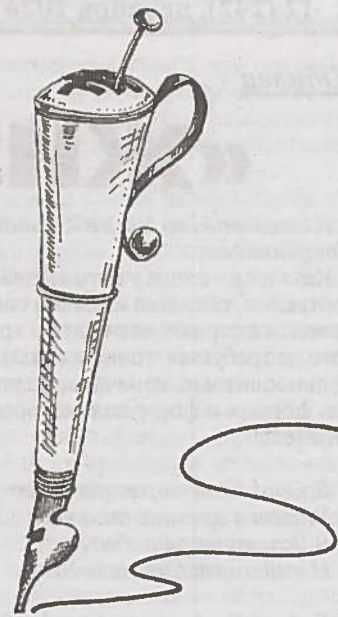

ГРИФОН

Литературная газета Архангельской области
№ 12 (242) декабрь 2024 г.

Новая книга

КТО ЕСТЬ ТОЛКУЩИЕСЯ У ВРАТ?

Благородство, высокая культура, тончайший юмор, филигранная техника в различных стихотворных формах, глубина, интеллект, тонкое и бережное отношение к фольклору, изящная стилизация, самоирония — фирменные знаки поэзии и поэтической прозы Владимира Николаевича.

Читая его, ощущаешь, как мировая и русская культура и поэзия со времён Средневековья по наше время напитали неповторимое слово Поэта. За ним не группа людей, не творческий союз, не направление и течение, а традиции и голоса, уходящие в глубь веков. Редчайшее сочетание книжной и народной культуры, бытового и надвременного.

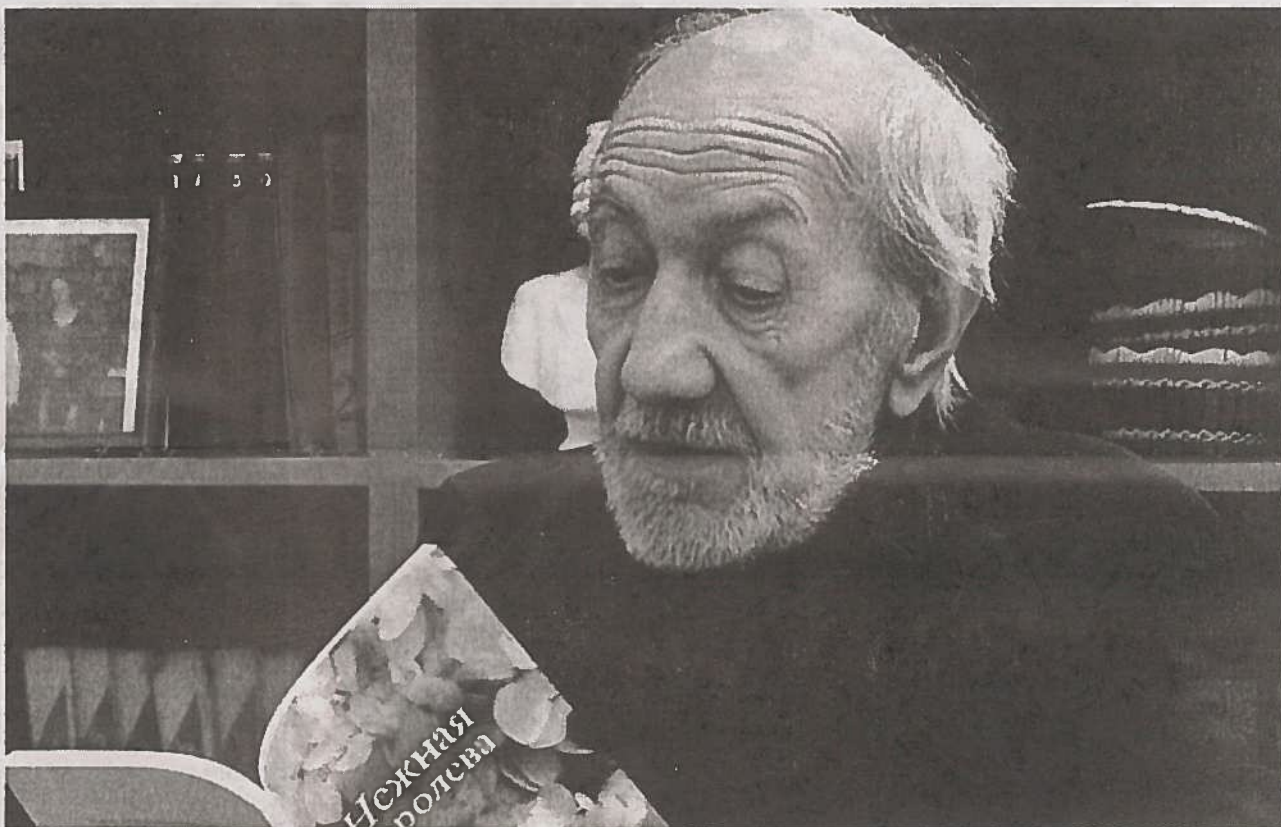
Владимир Николаевич Попов — ярчайшая фигура на небосклоне современной русской поэзии.

Моя книжка «Кто есть толкущиеся у врат?»местила в себя впечатления о личной встрече с поэтом в 2017 году, статьи о его поэзии, интервью, размышления о романах «Озеро» и «Нежная королева», повести «Монокль».

Предлагаю вашему вниманию фрагмент вышедшей на днях книжки.

Случайно ли в повести В.Н. Попова в части шестой явлена нам автором «Повесть о бражнике» и вопрошается: «Кто есть толкущиеся у врат?» И наши герои: Дикый Фотограф, Злой Писатель, сам рассказчик — попадут ли в рай? Откроет ли им ворота Пётр с ключами, явится ли им Иоанн, сказавший когда-то — «людей любляй»?

...Удивительное произведение — повесть «Монокль»! В неё вошли и целая пьеса, и «Повесть о бражнике», и верлибры со стихами, и исторические справки, и яркие бытовые сцены, и сонм прекрасных имён художников, фотографов, поэтов, прозаиков, и чисто технические штучки-комментарии, позволяющие заглянуть в мастерскую странного трио — этакого трехголового змея вдохновения и бражничества. Их «дикий стол», бедный, с парой кусков хлеба, луковицей, мутной самогонкой (или даже тройным одеколоном), банкой кильки, стаканами, служит, однако, настоящей волшбе творчества: — лабораторией создания редких фотографий.

Окольцован путешествием в прошлое героя повести (первая и финальная части) бытовой и творческий хаос людей вдохновенных, ярких. Но чем дольше по капле пьёшь повествование «Монокля», тем явственней проходит насыщение внешне неприбранного бытия художников глубоким внутренним содержанием с исповедями, диалогами, спорами о главном: искусстве настоящем, сердечном, освящённом наитием, озарением и, с другой стороны — искусством служения «звону монет и шуршанию доллара».

Повествование с каждой своей чудесной миниатюрой насыщается щемящими аллюзиями литературы и искусства прошедших веков и настоящего времени. За невымыслимо неприбранным столом Дикого Фотографа вспыхивают страстные, злободневные разговоры, полные то гнева, то сострадания, то удивления перед красотой, то жалости до библейского «людей любляй». Горе случайных и неслучайных людей разделяется, ему ищется выход, а когда он находится — то находится и очередной повод бражничества, пира во славу Бога и красоты, подлинного и сердечного.

В зимнюю морозную ночь
под обледенелыми звёздами
бредёт по хрустящему снегу
эле живой человек.
И вдруг там, где-то далеко —
на опушке лесочка —
эле светится живой огонёк
одинокое окно.
О, эта небывалая радость!
Такое ощущение счастья
можно узнать только во сне —
один или два раза
за всю жизнь.
Он идёт и идёт.
А огонёк всё ярче,
а огонёк всё ближе.

И вот он стучится
в холодные двери
маленькой избушки.
Ему открывают.
и радостные люди
встречают его:
смех, крики,
весёлые глаза...
«Мы так долго
тебя ждали», —
говорит Старая Женщина
и целует тёплыми губами
его счастливое лицо
с оттаявшими слезами.
Все садятся за стол и пьют вино
чтобы радость длилась и длилась.

Как тут в нас не отозваться великому стихотворению Николая Рубцова!

Герои повести сохранили в себе душу ребёнка. Они декларируют: «Люди соскучились по сказке: им не хватает подлинной радости и ушедшего детства». Они успевают бражничать и до самоотдачи увлечься «чистым кадром» Альфреда Стиглица, пикториализмом, расфокусировкой, прикрытой диафрагмой, «мокрым кадром», а в их коротких, но ярких диалогах оживают великие импрессионисты, художники Возрождения, стихотворения Бальмонта и Андрея Белого, строчки Есенина, имена Чехова и Горького...

Помазание текста романов и повести благородным и свяшенным миро мировой и отечественной культуры — фирменная черта поэта, прозаика, драматурга и эссеиста Владимира Николаевича Попова.

Оттого короткие новеллы повести необыкновенно прекрасны: в них — каждой! — есть своя особица, аромат.

Николай ВАСИЛЬЕВ

Юбилей

«ЖИЗНЬ, ТЕБЕ ХВАЛА!»

К столетию со дня рождения Николая Старшинова.

Казалось — слова у него выпадают естественно, так легко и славно соединяясь, ложатся в строки, что будто и труда никакого не требуется: точно и стихи приходят цельнослитные, изначально существующие в тех формах и формулах, которые увидит читатель:

Война! Твой страшный след
Живёт в архивах пыльных,
В полотнищах побед
И в наукумевших фильмах.

Война! Твой горький след —
И в книгах, что на полке...
Я сорок с лишним лет
Ношу твои осколки.

Войны много в поэзии Николая Старшинова, что естественно: она обжигала навсегда, а ставшее классическим стихотворение про запевалу, всё равно ликова-ло жизнью, светясь ею ярко и щедро:

Я был когда-то ротным запевалой,
В давным-давно минувшие года...

Вот мы с ученья топам, бывало,
А с неба хлещет ведрами вода.

И нет конца раздрыганной дороге.
Густую глину месят сапоги.
И кажется — свинцом налиты ноги,
Отяжелели руки и мозги.

А что поделать? Обратишься к другу,
Но он твердит одно:

— Не отставай!..

И вдруг наш старшина на всю округу
Как гаркнет:

— Эй, Старшинов, запевай!

Его стихи — вместе: очень конкретны, все детали их выявлены с окулярной чёткостью, и есть в них бесконечная дымка таинственных мерцаний, подлинная поэтичность, которая, проявившись, свидетельствует в пользу весомого дара поэта.

... Жизнь дальше идёт — разумеется, война остаётся за бортом реальности, оставаясь в сердце солдата-поэта, и, тем не менее, жизнь дальше идёт: постоянно, упорно, и... происходящее в ней порою требует иронии, чтобы легче было примириться с происходящим:

Вроде жизнь наладилась сполна,
Я ступил на ясную дорогу:
Дочка вышла замуж, и жена
Тоже вышла замуж,
слава богу!

Самоирония — высокая правда мудрости: много её в поэзии Старшинова, блестящей белыми крупными онтологическими опытами.

Много войны... много любви: словно только кардинальные явления бытия определяли космос поэта:

Не ступните... Ради Бога, тише!
Голуби целуются на крыше.
Вот она, сама любовь, ликует —
Голубок с голубкою воркует.
Он глаза от счастья закрывает,
Обо всём на свете забывает...

И такая любовь, совершенство природного феномена, завораживает, как и стих, выходящий серебряными нитями, играющий смысловыми оттенками счастья.

Его поэзия легка.
Его поэзия весома.

И сильно зажжены в ней огни всеприятия жизни:

Жизнь была и сладкой, и солёной,
А порой и горькою была.
Раненный и трижды исцелённый,
Говорю я:

— Жизнь, тебе хвала!

Александр БАЛТИН

ПОЭЗИЯ — СЛИШКОМ СИЛЬНАЯ ВЛАСТЬ

К 70-летию Юрия Полякова.

Распадающийся комсомол, перенасыщенный карьеризмом, застигнутый окуларом поляковской прозы в тот момент, когда любое идейное уже ушло на задний план, а на первом — всё ради себя...

«ЧП районного масштаба», долго отфутболиваемое редакциями, взорвалось, наконец, в «Юности», сделав Полякова знаменитым...

Читается ли сейчас?

Но история литературы ценна сама по себе.

... До того — была поэзия Полякова: сочетавшая меру таинственности и глубины, ровно развивающаяся: ибо классичес-

кие корни дают достойные питательные соки; поэзия, красиво мерцающая смыслами бытия, истолкованными по-своему, пропущенными через фильтры собственной уникальной одарённости:

Мальчик видит,
как заходит солнце,
Сверстники растут,

сидит мать,
Знает: это временем зовется.
Все так просто!

Что здесь понимать?
Позже он поймет,
он убедится:

В мире нет энергии сильней
Той, что в ходе времени таится!
... И душа работает над ней.

Прозаик и драматург Поляков превзошёл себя поэта: повести следовали одна за другой, и в каждой пульсировал раскалённый нерв современности: Поляков касался острия проблем, и кровь, добываемая из сердца, наполняла образный строй книг.

Юмор его виртуозен.

Он блестящ: и — без него не строится никакое повествование.

Очень живые герои: их естественная вписанность в обстоятельства словно определяет меру участия литературы в жизни.

Поляков весь из жизни: и она, отвечая, плещет и блещет в его книгах...

Как интересно ничто превращается в нечто в «Козлёнке в молоке», как интересно строятся культурологические фантомы, и сколь остро продрана литературная среда, знакомая Полякову наизусть...

Занятно — стих его безметфорный, как правило, а сравнения, предлагаемые в

прозе, достаточно интересны, живоречивы...

Объёмы ширятся: в «Гипсовом труба-че» и «Грибном царё» Поляков исследует пласты пространств весьма значительные, уходя в ретроспекцию, работая с современностью, сочащейся сарказмом, исследуя, исследуя через суммы художественных образов реальность...

Публицист и прозаик сочетаются естественно: пороховая и огненная публицистика Полякова работает широко, предлагая свежий взгляд на вещи.

Он неустанен.

Новые книги, пьесы, статьи...

«Литературная газета» — фактически сделанная им заново: ведь едва теплилась, когда Поляков стал главным...

Он неустанен.

Он любит жизнь — и она благодарно от-ветила ему успехом.

Юрий Поляков, мощно затмивший себя поэта собственной популярнейшей прозой, остался именно поэтом: и в прозе берущим силы именно у поэзии, её лирической составляющей, тонкости её звукового рисунка.

Поэзия — слишком сильная власть, чтобы можно было из-под неё выйти, и, де-бютировав именно стихами, Юрий Поляков продолжает их сочинять и по сей день.

... И возникают, выливаясь из тумана советских, по-разному ныне вспоминаемых вре-мён, строфы: ажурные, снежные, нежные:

Где-то там, в конце пятидесятых, —
Мальчик «Я» с веснушчатой кожей,
В курточке, в сандалях рыжеватых,
Еле поспевает за отцом.
Сероглазый, с уймой вопросов
(«Почему?» — и нет иных забот)

Мальчик «Я», пошмыгивая носом,
Улицей Басманною идёт.

Прошедшее ушло, что ему ещё, собственно, делать?

Оно не уходит никогда, оно оседает в сознание едкой солью, оно диктует образы, чей трепет не оспорить, раз можно прикоснуться к стихам...

Поляков — поэт интонации и вместе обо-зруживающей ясности: той, за которой и стоит подлинность жизни, со всею её переусложнённой огнями, перспективами и ретроспекциями...

Лёгкое — как туше — касание звука рису-ет картины полномерно: и мы видим маль-чика, еле поспевающего за отцом.

Сами такими были. Как сами такое ис-пытывали:

У религий классовые корни.
Высшей силы не было и нет.
Я, как атеист, конечно, помню,
Что материален белый свет.
Так о чём же речь? Зачем же в ступе
Воду очевидности толочь?
Это днём...

А ночью вдруг подступит...
Сядешь на кровати: страх и ночь.

Каждый испытал этот антрацитовый провал в никуда, ужас, сжимающий аор-ту, яд, струящийся в бедных венах.

Каждый испытал, но поэт высказался за всех: мощно, точно.

Точность и изящество, как формулы поэзии Полякова.

Поэзии, уступающей в известности его прозе, но никак не отстающей в качестве от оной.

Александр БАЛТИН

Год уходящий

СПИСОК ПРОЧИТАННОГО
ЗА 2024-Й ГОД

Андрей ДУХАНИН

Наш традиционный предновогодний обзор начнём с Ивана Сергеевича Тургенева. Его называют европейцем, в современном сериале о Достоевском Тургенев не признаёт ценности России, а между тем кто как не он поднимает вопрос о необычайной значимости русского языка, да и, помимо прочего, разве не Тургенев автор расхожего афоризма, гласящего, что

Россия без нас обойтись может, а вот мы без неё никак. Ивана Сергеевича непорочно влекло ко всему русскому, что, возможно, и стало причиной подпадания тургеневского дуба под абсурднейшие санкции и исключения его из списка кандидатов на европейское дерево года. В числе прочитанного, открыл для себя небольшую новеллу писателя, в которой Тургенев как бы мимоходом касается положения евреев в России и Европе. Это,

конечно, было для него только средством, чтобы отдельными мазками набросать еврейскую красавицу, которая заняла бы достойное место в литературной галерее женских образов писателя. Вся трагедия миниатюры разыгрывается вокруг Гиршеля, отца девушки, зарисовавшего военные укрепления, которого так и не удаётся спасти.

Довелось также ознакомиться с последним рассказом Тургенева «Конец». Иван

Сергеевич точно напроорочил. Рассказ был написан на французском. Автор просто не хотел слишком править текст, что стало бы совершенно неизбежным, будь он опечатав на русском. Полина Виардо отправила его в Россию и литераторы чуть не передрались за право послать в печать эту небольшую новеллу. В общем, Анненков остался не у дел.

Окончание на стр. 3

Начало на стр. 2

Рассказ повествовал о помещике, утратившем былую власть и называвшемся мелким тираном. Свиристествовал, конечно, он весьма ограниченно и казался неумолимым только на первый взгляд. Случилось так, что он похитил несовершеннолетнюю девочку. Как ни отпирался помещик, девочку нашли именно в его запущенном доме. Вначале услышали знакомый голос, а затем явилась она сама. Дальше помещик участвовал в сомнительных операциях, утратил последние крохи доверия, буйствовал и хулиганствовал. И, в конце концов, был найден зарубленным топором в луже крови. Тургенев показал угнетателя, утратившего былую власть. Когда-то он мог сажать крестьян на цепь, а теперь, по-видимому, пал жертвой бандитских разборок с ними. Крестьяне не ставили его ни на грош. Впереди было время, когда у обезземелившихся их латифундистов запылают великолепные усадьбы...

О расправах над помещиками не понаслышке знал Фёдор Михайлович Достоевский. Крестьяне за мучения и истязания подняли на вилы его отца. Тогда крепостное право ещё было довольно распространённым явлением, хотя существовало в значительно смягчённом виде и близилось к закату. Впрочем, Фёдору Михайловичу увиденное запало в сердце ничуть не меньше минут на эшафоте перед отменой приговора или лет, проведённых в каторге. И вообще — за комплиментарность в отношении крепостников Достоевский изрядно поругивал Гоголя.

Кстати, не помню, в первый ли раз, но прочитал у Фёдора Михайловича речь о Пушкине. Кстати, немудрено, что речь посвящена именно ему. Всё-таки на плечах Пушкина без преувеличения стоит вся русская литература. Причём эссе об Александре Сергеевиче — достаточно краткое и ёмкое произведение, не отнимающее слишком много времени у будущей. В нём Фёдор Михайлович говорит о значении русского человека быть братом всех людей. Подобные мысли всплывают и в других знаковых произведениях классика. Фёдор Достоевский отдаёт должное и увлечённости Западом, признавая в этом мало-мальское рациональное зерно. Говорят, его речь где-то на самых отдалённых подступах перекликалась с философским творчеством Владимира Сергеевича Соловьёва и едва не примирила враждующие лагеря славянофилов с западниками, прежде чем они погрузились в привычные свары. Разумеется, при всём при этом славянофилы и западники проявляют в отношении друг друга куда больше степенности и такта, чем нынешние спорщики. Ещё одна тема, которую большой русский писатель затрагивает в Пушкинской речи, — это роман в стихах «Евгений Онегин». Достоевский по праву замечает, что главная героиня романа — Татьяна. Она боится опозорить мужа, которого не любит, зная, что, в конечном итоге, будет для Евгения очередным развлечением, которое он, ни секунды не раздумывая, заменит. В то же самое время, Онегин раздавлен произошедшим в жизни Татьяны. Последняя же нисколько не стремится устраивать над ним мелочное и мстительное торжество...

Кстати, совсем недавно вчитался, наконец, в работу Сергея Булгакова «Героизм и подвижничество». Автор сосредотачивает внимание на революционной интел-

лигенции. Похоже, он разделяет бердяевское представление, что интеллигенция представляет из себя некий орден, сродни иезуитам и меченосцам, для которого Запад вполне себе непогрешим. Работа Булгакова несёт на себе полноценный отпечаток увлечения социализмом и марксизмом, поскольку в ней рассказывается про концепцию героической личности народных, тогда как у Маркса речь ведётся, прежде всего, про народные массы. Да и что это за героическая личность, прибегающая к террору, не оставляющему от неё, впрочем, камня на камне?!... Она в какой-то мере перекликается с нечаевцами, Раскольниковым, персонажами «Бесов» Достоевского. А иногда, в отдельных своих проявлениях, даже с тишайшим Алёшей Карамазовым, которого Достоевский в одном из вариантов нашумевшего романа собирался сделать человеком, примкнувшим к революционным радикалам и экстремистам.

Из зарубежной литературы ознакомился с коротенькими новеллами писателя Сэлинджера. Их, кажется, не более девяти. Из новелл, главным образом, запомнилась «Эти губы, эти глаза зелёные...» В числе прочего, потому, что довелось посмотреть одноимённую советскую короткометражку с Маргаритой Тереховой, Львом Дуровым и Александром Пороховщиковым в главных ролях. Собственно, кино представляет экранизацию молодым Никитой Михалковым американской классики и относится к разряду его бесспорных удач. Сюжет драмы, на первый взгляд, достаточно прост, а на деле глубоко психологичен. Он о том, что все обманывают друг друга и оттого глубоко несчастны. Плавный переход к пересказу сюжета. Военный отставник изливает душу перед другом и как бы между прочим спрашивает у него, где покинувшая его (и, кстати, голубоглазая, не соответствующая отвлечённому идеалу мужа) жена. А она находится рядом с другом. В разговоре военный чувствует себя глубоко раздвоенным. Когда длительные телефонные разговоры завершены, а трубка, наконец, положена, жена военного говорит другу: «Ты был великолепен...» Понятно, что при всём при этом альянс любовников в исторической перспективе недолговечен. Зритель и читатель сразу же ощущают сочувствие к обманутому супругу и понимают, что не всегда можно довериться самым закадычным друзьям. И Сэлинджер, и Михалков поднимают темы масштаба Толстого и Достоевского. Они показывают, что современные люди зачастую не нужны друг другу и давно утратили блеск настоящего, невзирая на всю внешнюю мишуру.

Также был в этом году в большом восторге от Марка Твена. Появилось даже желание мало-мальски овладеть его неповторимой литературной стилистикой. Попадались, в основном, небольшие, удобные к прочтению и не лишённые остроумия новеллы. Достаточно подвергнуть разбору хотя бы малую из них. Новелла посвящалась трагическим событиям в Северной Ирландии, где, по справедливому замечанию Александра Менья, межрелигиозные противоречия делались ширмой для политики и борьбы за ресурсы. Католики и протестанты в очередной раз были готовы закидать друг друга камнями. Таким образом, уличный булыжник оказывался оружием, принадлежащим не исключительно пролетариату. В довершение всего, в целях распространения демократии, им запретили какие-либо воззвания в пользу той или иной партии. Стоило ирландцу оскорбить протестантов или римского папу, как им причитался немаленький штраф, опустошительно бивший по карману, чем, в немалой степени, живились полицейские. Однажды они набрали на одного в стельку пьяного, который обрुшивал в окружающее пространство ругательства. Поскольку адресат ругательств не был известен, полицейским не удалось вытянуть последний шиллинг из понимавшего обстоятельства дела алкоголика, который сам привык просить в долг. Надо сразу же оговориться, что в обрисованной писателем сценке поднимались вопросы колоссальной важности, долгоиграющее эхо которых продолжает сотрясать крайне нестабильный мир.

В рассказе Марка Твена «О хорошем мальчике» берётся выпускник воскресной школы, который создаёт впечатление безупречного в моральном отношении юноши, и

сталкивается с хулиганами и неприязненным миром взрослых. В общем, ему достаётся на орехи. И представление, заимствованное из книг и брошюр, не отличающихся знанием дурных сторон человеческой природы, сразу же рушится в голове мальчика. Конечно, если бы он почитал хотя бы Фёдора Михайловича Достоевского, — мы уж не говорим, чтобы юноша вник в библейские драмы-мистерии, — его взгляд на мир не был бы столь розовым.

В «Литературных грехах Фенимора Купера» автор набрасывается на вышеуказанного писателя. Твен утверждает, что во времена Купера не могли мыслить ясно, чрезмерно отталкивались от повествования и едва-едва управлялись с диалогами. И, кроме того, не были чрезвычайно сильны в описаниях. Даже сказать в двух словах о цвете пули или гвоздя представляло для автора невозможную проблему. Фенимор Купер строго следовал проложенным курсом, и потому Твен так разносит его. Впрочем, до конца непонятно, насколько он серьёзен.

В «Укрощении велосипеда» в трагикомичных тонах повествуется об овладении данным видом транспорта. В процессе, сопровождающемся неизменным набиванием шишек, требуется даже инструктор. По всей видимости, тогда велосипед, причём даже его четырёхколесный экземпляр, ценился почти как автомобиль и являл собой не самый малый предмет роскоши.

В «Путешествии капитана Скорфила в рай» подчёркивается крохотность нашей планетки и сразу дезавуируется вся мощь Штатов. Конечно, некоторые описания — например, посвящённые будто бы появлению отпетых бандитов — весьма карикатурны и находятся на грани фолла. Но, в целом, в «Путешествии» присутствуют

элементы нового религиозного сознания, о котором писали русские философы. Магомету тоже находится место в раю. Таким образом, имеется определённое наследование Данте, примиряющего мудрецов, и предвосхищение отдельных мест у Даниила Андреева, во многих отношениях куда более яркое.

В «Чернокожем слуге Вашингтона» обыгрывается происхождение газетных уток. Там, соответственно, упоминается слуга раннего американского президента, который существовал одновременно во множестве мест. Причём сроки его жизни довольно расплывчатые и нередко претерпевают существенные изменения. Интересно, что в произведениях Марка Твена постоянно мелькает проблема работорговли, иногда появляются индейцы, но масштабного обличения их истребления мы, пожалуй, не находим. Иногда суровейшая критика Штатов смягчается у автора характерными нотками американской пропаганды. Впрочем, Твен вполне может опираться и на нечто позитивное, обстоятельно подсмотренное в окружающей жизни.

Наиболее искромётным у Твена выдался рассказ «Людоеды на железнодорожном поезде». Его обыкновенно часто цитируют. Произведение рассказывает о поезде, застрявшем по причине снежных заносов. Помощь нигде не приходит. И далее вот что обыгрывается в миниатюре. Застрявшие создают из своей среды комиссию, а уж та выбирает кого съест, причём дело касается наиболее уважаемых членов общества. Притом рассказчик, от лица которого ведётся повествова-

ние, с облегчением узнаёт, что его собеседник болен, а, значит, сообщённое им не имело места в действительности. На этой многозначительной ноте повествование завершается.

Окончим наш слегка затянувшийся обзор поэзией, насколько последнее позволяют рамки небольшой статьи. Особняком тут стоит Иван Саввич Никитин, которому на этот год пришёлся юбилей. О нём и без того писали слишком много, так что ничего не остаётся, кроме как сказать о великом поэте Черноземья в нескольких словах. У нас в городе даже обновили музей в его честь, создав инсталляцию, характерную для отдалённого времени, в которое проживал поэт. Кроме того, воронежцы хотели бы передать отдалённым потомкам своё бережное отношение к литераторам. Правда, к ним самим есть претензии по части культурного наследия. Что же по части поэзии, необходимо отметить следующее. Автор постоянно старается охватить будущее и, одновременно, устремлён в настоящее. Иногда в его творчестве ярко просматриваются космические панорамы, наблюдаемые долу. Примерно как в следующем стихотворении:

*«Рассыпались звёзды,
дрожат и горят;
За пашнями диво творится:
На воздухе синие горы висят,
И в полях люд шевелится.
Подвинулось небо назад от земли,
Воде золотой уступило;
Без ветра плывут по воде корабли,
Бока их огнём охватило...
А ночь через лес торопливо ползёт,
Ползёт — и листа не зацепит;
Насутила брови, глазами сверкнёт —
Широкое поле осветит».*

Далее в поэтических строфах следует упоминание про закиданные грязью небеса. Лирический герой тоскует о пронзительной ночной ясности. При этом он отдаёт себе отчёт в циклической смене погодных ритмов, когда после серого и бесцветного обязательно приходит нечто яркое. Главное, чтобы одно почаше уравновешивалось другим, сменяясь точно в пёстром калейдоскопе. Вот что можно выжать из одного небольшого стихотворения!... Но, если мы возьмём поэтическое мировоззрение Никитина, взятое в целом, получим, что, в отличие от, скажем, Аполлона Майкова, автор вполне допускает исчезновение планеты. То бишь гордый разум у него почти безошибочен в своих пессимистических расчётах. Впрочем, над всем Никитину ясно видится торжествующий бессмертный дух, поднимающийся в бескрайние полнозвёздные выси. И только при написании «Дневника семинариста» автор сталкивается с некоторыми искушениями в данном вопросе.

Из других поэтов я особенно останавливал своё читательское внимание на Алишере Навои с его любовными элегиями и аллегориями скрытой мудрости, оригинальнейшем Иосифе Бродском, который весьма недурён и в качестве прозаика. Наконец, не получилось миновать Уильяма Шекспира с его «Королями Лирами», «Фальстафами» и «Макбетами». Нередко величайший поэт и драматург всех времён брал старые сюжеты, как в случае с Лиром и Макбетом, и расщеплял их новыми незабываемыми красками. Поздний, создавший некачественную копию восточных учений Толстой критиковал Шекспира, что он, будучи мастером сценки и следуя совету Аристотеля, данного им в «Поэтике», постоянно высмеивал людские пороки, точно никак не мог без них обходиться. Разумеется, шекспировские драмы были и остаются вечными драмами, и граф Лев Николаевич, при всём своём желании, не мог тут решительно ничего поделать, как и с однажды написанной им эпопеей «Война и мир». Тем более, что оба писателя не только время от времени разоблачали изъяны, но и стремились воспеть добродетели.

Помимо Шекспира, доводилось читать и постоянно перечитывать Байрона, Паскаля, Керкегора, Льва Шестова и Вудхауза. Поэзия, философия и литература бесконечно разнообразили в меру ненастные будни, насыщая их неувыдающими образами искусства, отличающимися высокохудожественной отделкой и влекущими вслед за собой неизменный возвышающий катарсис...

С. Н. Булгаков

Героизм и подвижничество

Екатерина НЕКРАСОВА

Екатерина Некрасова, поэт, г. Северодвинск, работает на предприятии «Звёздочка» корректором в заводской газете.

Вениамин КОНДРАТОВ**МОЖЕТ БЫТЬ, Я ПОСЛЕДНИЙ...**

И кругом то это назвать нельзя, какие-то лоскуты или отрывки-обрывки. Десятки начатых книг и... брошенных. Не цепляет, не интересно. Но всё-таки несколько книг за этот год прочитал от корочки до корочки. Одна из таких из раздела «современное фэнтези» — «Там чудеса» автор Кристина Тэ. Применил бы скорее традиционное определение — сказка. Умная, увлекательный динамичный сюжет. Вот как-то всё сошлось, для того чтоб на несколько вечеров погрузиться в сказочный мир Руслана и Людмилы в несколько ином прочтении.

И ещё одна книга современного автора Татьяны Соломатиной, прочитанная с

Что касается круга чтения, в этом году, он не был обширен.

Познакомилась с творчеством молодого поэта-сибиряка, Кузбасского шахтера Дмитрия Филиппенко. Прочитала на одном дыхании три его поэтических сборника. Он много лет работает в шахте, каждый день занимаясь невероятно тяжёлым физическим трудом. При этом ведёт работу с молодыми авторами Кузбасса, организует встречи с читателями, различные крупные литературные фестивали у себя в регионе. Этот сплав даёт на выходе очень интересную лирику, в которую я с удовольствием окунулась.

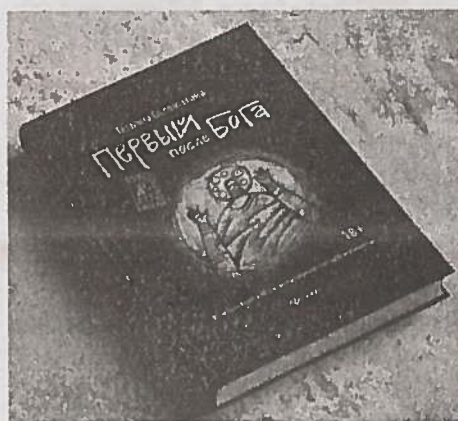
Сама в этом году стала одним из авторов коллективного сборника стихов «О Яграх, о «Звёздочке» и о себе», изданного к юбилею предприятия «Звёздочка», где я работаю. Стихи почти не писались, вот одно из коротеньких этого года: (ред.)

Я тороплюсь напиться тишиной
Пока не слышно в утреннем тумане
Ни шороха над Северной Двиной.
Я здесь одна — на острове Буяне..

И вдруг упорно набирая ход,
Рассвет лучи над речкою покажет,
И проплывет колесный пароход,
И капитан фуражской мне помашет.

удовольствием: «Первый после бога». Из аннотации: «Истории из жизни студента медицинского вуза, врача акушера-гинеколога... Познавательно и занимательно, весело и грустно, саркастично и духоподъёмно». Аннотация оправдала себя полностью. Очень рекомендую книголюбам.

Дина Рубина, «Одинокий пишущий человек». Читал с ручкой, подчеркивая по-

нравившееся, ставя на полях галочки. Раньше бы посчитал это кошунством, а тут вдруг осознал, что я, может быть, последний человек в моём круге родных, кто читает бумажные КНИГИ и, тем более, не беллетристику, а написанное писателем для пишущей братии. В главе под названием «Странный человек, сочиняющий истории» пометки почти на каждой странице. Прямая цитата: «Места в литературе занимают не меньшинства, не группы, не гендерные сообщества, не представители той или иной национальности или пола, а исключительно персоны Таланта». И много ещё чего интересного.

В прочтении «Блошинный рынок» Татьяны Мاستрюковой, «Всё не так» Александры Марининой, «Путём дикого гуся» Мариуш Вильке, Евгений Долматовский «Было».

**Игорь ТРУНОВ
ГОД ПРОШЁЛ
НЕ ЗРЯ**

Этот уходящий 2024-й год был для меня и тяжёлым, и удачным. Хотя, наверное, далеко не для меня одного. На творчество этот год был плодотворным, но не слишком. Мне удалось написать примерно двадцать стихотворений, в частности: «Стойкость», «Ода электричеству», «Плохая память», «Шмель» и другие. Из прозы я написал лишь одно произведение: маленький научно-военный роман «Благословлённая Хануманом». Самым ярким событием в этом году для меня стала очередная поездка на Кий-остров. Культработником там была известная поэтесса Наталья Леонович, с которой у меня состоялся поэтический баттл. За две смены отдыха на Кий-острове я много раз выступал перед людьми со своими стихами. Культурная про-

грамма была очень насыщенной. Подводя итог, могу сказать, что год прошёл не зря. В этом месяце я принял участие в Первом Всероссийском фестивале-конкурсе искусств «Единство душ» в номинации «Ораторское исполнительство», читал свой стих и стал лауреатом I степени.

**Надежда
ВАСИЛЬЧЕНКО**

Уходящий год порадовал встречами с читателями. Муравьёвская сельская библиотека представляла школьникам и взрослому населению мою книгу о воевавших родственниках «Чтобы помнили...»

Таковую же презентацию мы провели в Тёгринской библиотеке.

Книга вызвала живой отклик в сердцах зрителей. И не удивительно. Эта тема близка и памятна многим...

Детский сад «Сказка» на Горке Муравьёвской приглашал к себе в гости в качестве поэта. Дети с удовольствием слушали и читали стихи, отвечали на загадки и вопросы, разглядывали авторские осенние фотографии.

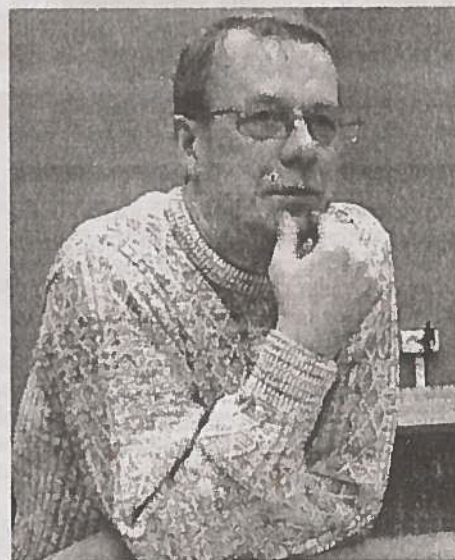
Главным событием года для себя счи-

таю выход в типографии «Вельти» моей детской книжки «Бабушкины часы». В книге собраны рассказы, миниатюры, воспоминания о детях, внуках, домашних животных, зарисовки о нашей северной природе.

Состоялись две совершенно разные презентации.

Первая «для юных художников Вельской детской школы искусств. Ребята принимали активное участие в иллюстрации книги, за что я им очень признательна и благодарна.

Следующее представление новой книги прошло в тёплой домашней обстановке в музее-избе «Светлогорница». Для демонстрации рассказа «Бабушкины часы» мы воспользовались экспонатами музея, чем вызвали активное обсуждение и воспоминания присутствующих о своих деревенских домах...

Николай ВАСИЛЬЕВ**КНИГИ
ДЛЯ РАБОТЫ**

Моё чтение сосредоточилось вокруг четырёх авторов. «Евгений Онегин» — роман, с которым я не расставался весь год. Учу его наизусть. Одновременно через комментарии Юрия Лотмана и поисковики узнаю эпоху написания романа. Затянуло так, что не могу (и не хочу!) отступить. Что-то из этого получится, кроме знания «Евгения Онегина» наизусть. Может быть, беседы для учеников, взрослых... Не знаю пока.

С дневниками Георгия Свиридова — «Музыка как судьба» — также копался весь год. Некоторые фрагменты читал по несколько раз. Итогом стала статья «Свиридов — Рубцов». Первая, по-настоящему, большая литературоведческая статья. Работа над ней завершена, и она доставила мне много радости. Думаю, статья станет фундаментом третьей книжки по поэзии Н. Рубцова.

Роман Ф.М. Достоевского перечитал в третий раз. Читал несколько месяцев, кропотливо, неспешно. Для меня Достоевский — самый любимый и крупный русский писатель. Хочется перечитать и «Идиот», и «Подросток», и «Бесы»...

Следующее произведение — трилогия Василия Ивановича Белова «Кануны». Потрясла вторая часть — «Год великого пере-

лома». Мне теперь кажется, что это самое вдохновенное произведение писателя.

Во время торжеств на вручении премии «Чистая книга» познакомился с С. Шаргуновым, Р. Сенчиным, В. Авченко, Б. Бартольдсом и другими авторами. Поэтому почитал их некоторые сборники рассказов и романы.

Поездки в Вологду усилили внимание к литературе местных авторов. Поэтому в круг чтения вошли романы Д. Ермакова, книги Н. Мелёхиной, С. Шадрюнова, Г. Щекиной, М. Сопина, А. Яшина, Н. Старичковой, Юрия Максина...

Из когда-то любимой фантастики перечитал роман братьев Стругацких «Хромя судьба» и несколько рассказов Каттнера.

Среди своих, архангельских авторов, главным стал Александр Антипин. Написал по его рассказам цикл статей «Мезенское ожерелье», стал с ними финалистом «Гринфеста», и они вошли в итоговый сборник «Остров надежды. Абрамовский большак. 2024».

Лучшими книгами по творчеству Рубцова стали книги Н. Старичковой («Наедине с Рубцовым») и С. Лагерёва («Светлая печаль»).

Наконец-то прочитал книгу «Скорби» Ивана Шмелёва.

В поэзии мной владел весь год (кроме Рубцова) Владимир Попов. Итогом стала только что вышедшая в свет книжка «Кто есть толкущиеся у врат?». В ней о двух романах писателя, повести «Монокль» и его поэтических книгах. Книга предназначена для моих друзей и любителей творчества В.Н. Попова.

Были многие касания других книг, особенно поэтических: В. Соколова, П. Катенина, А. Блока, Е. Чепурных, Т. Гуэрра...

В общем, книги всё больше становятся книгами для работы. Плохо это или хорошо — не знаю. Но так случилось.

Евгений ШАШУРИН

Родился, вырос и живу в посёлке Вычегодский Архангельской области. Люблю свой посёлок, пишу о нём и вычегодцах. Одна из первых книг «Люди твои, Вычегодский» (о строительстве станции Сольвычегодск) вышла в 2020 году. Ухо-

дящий 2024 посвятил написанию двух книг: «Вычегодский, расскажи мне о себе». Эта краеведческая книжка посвящена истории улиц родного посёлка, их названию и переименованиям. Вторая книжка «Они служили народу» посвящена руководителям Райпрофсожа Сольвычегодского отделения Северной (Печорской, Северо-печорской) железной дороги за период с 1944 по нынешний день.

Пишу рассказы и что-то похожее на стихи. К сожалению на чтение новых книг времени не хватает. Тем не менее, начал читать книгу «От сдерживания к устрашению», написанную Сергеем Карагановым в соавторстве с Дмитрием Трениным и Сергеем Авакян. Читаю стихи о войне и поэзию Есенина. Родина воюет. Наши земляки также на фронте, и это навеяло на такое вот стихотворение, которое посвящаю штурмовикам 200-ой отдельной мотострелковой бригады Северного флота.

*Ты опять готовишься к бою.
Мысли разные в голове.
Что сапсан, пролетели годы
И свидания на заре.
Автомат поправил неспешно,
Слова дерзкие говоришь
И, отбросив окурки небрежно,
На фото сына глядишь.
Скоро в бой, для тебя не первый.
Снова драка, стрельба и кровь
Ты воюешь присяге верный,
Чтоб вернуться с Победой домой.*

Наталья СВЕТЛОВА

МОЙ ГОД ЧТЕНИЯ

Каждый новый год приносит с собой не только надежды и мечты, но и возможность погрузиться в мир книг. В этом году я прокладывала свой путь через произведения, которые оставили неизгладимый след в истории.

А. П. Чехов – «Попрыгунья. Повести и рассказы», Ф. М. Достоевский – «Подружок», И. А. Бунин – «Митина любовь», Н. К. Жернаков – «Кричите, гуси осени моей» и «Поморские рассказы».

Каждая прочитанная строчка заставляла размышлять о свободе и индивидуальности, о серьёзных нравственных проблемах личности и общества в целом, о том, как разбиваются идеалистические юношеские представления при столкновении с реальной жизнью.

Не менее захватывающей была встреча с современными авторами.

1. Николай Васильев – «В ней люблю, негодую и плачу» – подарила мне новые взгляды на творчество Николая Рубцова, на идентичность и культуру и, как пишет автор: «Рубцов – лирический тенор нашей эпохи... Рубцов пропел лирию уходящей Атлантиды русской деревни, обняв своим творчеством убегающие от нас, радостные и тревожные, огни Сельского Мира с его словом и ладом».

2. Васко Попа – «Кора» – стихи в переводе Сергея Батогова при участии Юлии Юдиной с сербскохорватского. Книга поразила «...тайной стороной вещей, с которых снят покров». Например:

*Осёл
Иногда как взрывает
В пыли искупается
Иногда
Ты едва заметишь его*

*Впрочем
Всегда только уши видишь
На голове у планеты ослиные
Но не его самого*

3. Владимир Попов – «На небесах ещё светло» – «...для меня творчество Владимира Николаевича Попова – как чудесное эхо серебряного века русской поэзии с его волнующим вниманием к высочайшим образцам древнерусской литературы, древнего эпоса, русского фольклора...», – написал в предисловии Н. Васильев.

*Как богемальцы,
стоят стога
у стен монастыря.*

*Огни прошедших лет
мерцают
на краю Вселенной.*

*Северным летом
заря с зарёю сходятся,
словно девки
в красных платках.*

4. Юрий Маркин – «Приходите в гости» – книга народного поэта из Санкт-Петербурга, мастера острого слова самим по этому обозначена как лирика и юмор. Уже с первого стихотворения идёт настрой на добро и неторопкое прочтение:

*Коль пришли ко мне вы в гости,
Так читайте не спеша,
Юмор мой совсем без злобы
И открытая душа.*

Книги, с которыми я соприкоснулась, дали мне силы и вдохновение. Этот год чтения не просто обогатил мой внутренний мир, но и стал отголоском глубоких раздумий о жизни, любви и человеческой природе. Закрывая последнюю страницу, я знаю: начинается новая глава.

Павел БАТАГОВ

Отзыв на книгу
Д. Ермакова
«Красный берег»

Во-первых, в романе проявляется сам автор. Это упоминание о советском тренере Ощепкове, о самбо как о борьбе вольного стиля.

Во-вторых, религиозная сторона. Я раз-

говаривал с Дмитрием на одном из вечеров литературной мастерской в Центре писателя Белова Василия Ивановича на эту тему. Как помню, он мне ответил следующее: «Я за православие, но не против язычества».

В-третьих, политическая сторона. Как мне показалось, ему по сердцу дореволюционная Россия. И эту тему затрагивали на одной из последних встреч мастерской перед Новым годом. Автор, как поклонник Белова В.И., хочет возрождения деревенской жизни, как и сам Белов. Это мне стало ещё понятно по его словам на его творческом вечере в Домике дяди Гиляя в апреле месяце этого года.

Дмитрий Ермаков как один из персонажей этого романа, не названного по имени, глядит сквозь время, начиная с далёких тысячелетий и до настоящего времени, описывая жизнь фамильного рода Игнатьевых, в основном периода двадцатого столетия. Дмитрия Ермакова знаю давно. А тому читателю скорее всего повезёт, когда он познакомится с автором, с его душой, с мировоззрением, прочитав этот серьёзный роман.

Когда я присутствовал на встрече с автором весной этого года, то при упоминании Ермаковым романа «Красный берег», вспомнил (возвращаясь обратно на улицу Щетинина) о беседе с ним. Я упомянул ему село Ермаково Кирилловского района Вологодской области. Узнал из видеозаписи в интернете, что там много священных камней, а на месте Шекснинского водохранилища был старообрядческий скит. Стоял Горичский монастырь.

Галина
ДОЛГОБОРОВА

Тема, имя которой «Лев Николаевич Толстой», которой закончился мой год чтения-2023, вошла вместе со мной и в 2024 год. Я уже писала, что причиной такой заинтересованности стала книга П. Басинского «Соня, уйди!», в которой два наших современника: российский писатель, журналист, критик, литературовед Павел Басинский и питерский поэт, прозаик, журналист Екатерина Барбаняга пытаются выяснить, что же привело великого писателя к решению «уйти в никуда» в конце его жизни и почему так ненавистно стало Льву Николаевичу даже имя некогда любимой и обожавшей супруги Софьи Андреевны? Уже находясь на смертном одре, Толстой не позволял жене встретиться с ним... Однозначного ответа в этом диалоге писателя и журналиста я не нашла, но тема всколыхнула, и самым верным стало обращение к воспоминаниям тех людей, которые не только были современниками Льва Николаевича Толстого, знали его, но и жили рядом с ним ежедневно много лет подряд.

Как же так получилось, что величайший писатель, общественный деятель, мыслитель, просветитель своего времени (смею надеяться, что и нынешнего), личность которого вызвала неподдельный интерес общественности, граф Толстой не смог так устроить свою жизнь и жизнь своего семейства, чтобы (воспользуясь словами писателя другой эпохи) «не было мучительно больно за... прожитые годы»? А жизнь этого семейства, все их семейные перипетии, отношения представляли ещё ту «санту барбару»? Хотя и полтора века давности. Извиняюсь за этот термин – «санта барбара», он, конечно, весьма легковесен для такой известной фамилии, но другого точного слова, которое вошло в обиход россиян после про-

смотра одноимённого телесериала о хитросплетениях большой семьи, у меня не нашлось... Судите сами, сколь неожиданно для семьи Берсов стало предложение руки и сердца 34-летнего Льва Николаевича их 18-летней дочери Софье, если всё шло до этого к тому, чтобы выдать замуж за графа старшую дочь, Елизавету! Ведь именно ей предназначались серьёзные знаки внимания Толстого с явным посылом к последующему браку. Возможно, с этого и начался разлад в большой толстовской семье?! Смею заметить, что это только мои мысли и рассуждения после прочитанного, и у меня, конечно же, нет намерения навязывать их кому-либо.

Мемуары старшего сына Сергея Львовича Толстого (1863–1947) «Очерки былого» стали первыми, прочитанными мною воспоминаниями современников Льва Николаевича. Сергей Львович – единственный из 13 детей Толстых, кто не покинул Россию после Октябрьской революции и остался жить на родной земле. Отношения отца и старшего сына были далеко не безоблачны, у них не было полностью взаимопонимания, отец постоянно упрекал сына в отсутствии жизненной цели и... излишней лени. Сергей Львович всё-таки стал достойным человеком, окончил Московский университет, стал музыкантом, профессором Московской консерватории. В первую очередь, благодаря старшему сыну в Ясной Поляне появился музей-заповедник.

Дневник дочери Л.Н. Толстого Татьяны Львовны Сухотиной-Толстой (1864–1950) – чрезвычайно личная книга. С 14 лет записывая события очередного дня, свои мысли и рассуждения, Татьяна Львовна очень переживала, что кто-нибудь когда-нибудь прочтёт её записи. На мой взгляд, книга очень ценна тем, что в ней есть письма дочери к отцу и отца к дочери, из которых становится ясно, что Татьяна была любимой дочерью своего именитого отца и сама не только отвечала ему беззаветной любовью, но, как никто, понимала его. Через все записи проходит любовь старшей дочери к отцу и ответное его чувство. «За всю мою жизнь то особенно сильное чувство любви и благоговения, которое я испытывала к отцу, писала Татьяна Львовна, – никогда не ослабевало». Читая дневник, я и удивлялась, и недоумевала, и восхищалась. Фамилии гостей Толстых: Дельвиг, Тургенев, Чехов, Крамской, Репин, упоминаемые в описании обычных бытовых жизненных сцен, вызвали волнительное чувство реального соприкосновения с гениальностью.

Сохранение и распространение идей отца – главное дело жизни Т.Л. Толстой, так она считала, поэтому согласилась на публикацию столь личных дневниковых записей.

Окончание на стр. 6

Начало на стр. 5

Не менее интересна и ценна для понимания личности Льва Николаевича Толстого книга воспоминаний Т.А. Кузминской «Моя жизнь дома и в Ясной Поляне». Татьяна Андреевна — младшая сестра Софьи Андреевны Толстой, она была верным другом и сестрой, и своего зятя, и их детей, большой период жизни жила подле семьи Толстых, была, пожалуй, больше всех в курсе событий, происходящих в этом большом семействе, которое постоянно одолевало проблемы, интриги, беды. Исследователи жизни Л.Н. Толстого считают эту книгу одной из лучших в мемуарной литературе о Толстом. Вполне соглашусь с этим выводом.

Все книги ценны набором фотографий семьи Толстых. Читая книги, я по несколько раз обращалась к ним, внимательно вглядываясь в черты лица, одежду, окружающие предметы. Всё это вместе с прочитанным очень расширило мой, полученное в школьные годы, представление о гениальном писателе и человеке, даже в какой-то мере изменило отношение к его литературным героям, сделало глубже и понятнее. Что ж, поистине — лучше поздно, чем никогда.

Кроме того, все эти документальные воспоминания, дневниковые записи позволяют читателю увидеть ту давно прошедшую эпоху и понять, как похожи и в то же время — непохожи, мы, ныне живущие с поколением, жившим более века назад. Как всегда, погружаясь в какую-то интересную для меня тему, я не ограничивалась только чтением: пересмотрела советские фильмы, снятые по знаменитым произведениям Л. Толстого, впервые посмотрела фильм 1984г. Сергея Герасимова «Лев Толстой». Получила большое удовольствие и от сюжета, и от игры знаменитых актёров: семейного дуэта Сергея Герасимова и Тамары Макаровой, жизнь которых тоже не лишена мутных интриг и событий.

Знакомая с литературой о Толстом, совершенно нечаянно наткнулась на книгу «Лев Толстой и медицина». Автор этого труда — военврач Григорий Кулижников, уроженец Шенкурского района. Шенкурск для меня — вторая родина, и история Шенкурского края, люди, прославившие его, всегда остаются в поле моего изучения. Вот таким образом Лев Толстой поспособствовал мне и в этом исследовании.

С неподдельным интересом прочла роман в двух книгах «Время окаянное» устьянского публициста, прозаика и поэта Олега Борисова. В первой книге «Остальцы землю держат» описываются 80-е годы прошлого столетия, период перестройки, а во второй, с таким же названием, что и роман, показана деревня уже в 90-е, очень метко названные лихими. Деревня наша, архангельская, поэтому картины этой сельской жизни легко узнаваемы, всё происходило на моих глазах. Радовали глаз и сердце диалектные словечки, хороший, понятный мне, как сельскому жителю, юмор. В некоторых местах смеялась до слез. Переживала за нечаянную любовь Алексея Плашнова. Герои взяты прямо из жизни: Проня Миленкой, Ксенофонтыч, бригадир Фёдор. На мой взгляд, роман можно изучать как источник краеведческих знаний. Спасибо Олегу Борисову!

В свой 2025 литературный год войду вместе с книгами Олега Ларина, московского писателя, журналиста, отчаянно любившего Север, в особенности, Пинежье. Олега Игоревича Ларина не стало летом этого года. Пишу воспоминания-впечатления о встречах с ним в Карпогорах, последняя была в мае 2023 года в Карпогорской библиотеке.

Новая книга о поэзии Николая Рубцова

ЧТО ПРОИСХОДИТ В ГОРНИЦЕ?

Фрагмент из книги «Лирика Николая Рубцова в контексте русской народной традиции»

Анастасия ЧЕРНОВА

Стихотворения Николая Рубцова, пожалуй, одни из самых загадочных в мировой культуре. Они передают сокровенную тайну и красоту окружающего мира. Сквозь временное и повседневное поэт видит и постигает вечное. При этом мистичность его образов нисколько не связана ни с прямым описанием фантастической ситуации, ни с многозначительным и весомым умолчанием. Всё очень просто. Даже незатейливо. Ну, что может быть очевиднее, разве кто сомневается, что

*Звезда над речкой — значит, ночь.
А солнце — значит, день.*

Тем неожиданнее внутреннее свечение, что возникает за текстом. Дымка. Полувяв-полусон. Мгновение — и дневной мир, удобный и привычный, мерцая, выплывает чудесным видением. И невозможно уже понять, кто изображён в стихотворении: обычные жители Вологды, что спешат по тёмным улицам домой, или тени, бесплотные души, тревожной чередой возникающие из тумана. Как это возможно? Ведь всё так знакомо! Всё просто — до улыбки?!

Или... не так просто? Попробуем разобраться.

Обращаясь к единичному и конкретно-му фрагменту человеческого существования, к случайному, на первый взгляд, мгновению, которое вот-вот исчезнет навсегда, Николай Рубцов выявляет вечные и неизменные закономерности невидимого идеального мира. Так проявляется способность к широчайшему обобщению, которое происходит не любыми путями, но согласно традициям, определяемым народным мировоззрением.

Так, тип художественного конфликта первого поэтического сборника Николая Рубцова «Волны и скалы» соответствует, по нашему мнению, сказочному противопоставлению мечты и действительности, чудесного иного царства и своего, условно-реального мира. При определённых художественных предпосылках мечта и реальность могут соединиться, образовав особый идеальный замкнутый мир. Рассмотрим это поэтическое явление на примере одного из самых загадочных стихотворений Николая Рубцова «В горнице».

Обращаясь к этому стихотворению, исследователи (А.К. Передреев, В.В. Кожин, М.П. Лобанов, Н.Н. Зуев, И.Г. Панова) отмечают, с одной стороны, удивительную простоту, даже элементарность поэтического мира, а с другой — наличие разнообразных символов. Впрочем, одно другому не противоречит: за простотой, как утверждают критики, скрывается глубокий символический пласт.

Современников Рубцова удивляла эта странная, будто даже несвоевременная, чуждая бурному веку космических открытий и новых технологий простота его художественных образов. Такой творческий подход казался устаревшим; простые, «наивные» стихи Рубцова далеко не всегда воспринимались читателями и слуша-

телями. Николай Попов в своих воспоминаниях рассказывает, как однажды поэт читал свои стихи: «Как-то на одной из студенческих вечеринок читались стихи — по кругу. Кому-то было тесно во Вселенной, он задевал волосами звёзды. У другого играли ассонансные рифмы вроде «интересно — интеллекта», в белых стихах третьего рифма роскошно отсутствовала... Настал черёд поэта-первокурсника из Вологды. И произошла некоторая заминка: больно уж всё просто, даже наивно было в его стихотворении. Так и было сказано: мол, парень ты хороший, но поэзия — дело серьёзное. Дружески похлопали автора по плечу».

Несмотря на то, что произведения, отделанные по последней эстетической моде, набирают всё большую популярность, Рубцов следует своим путём, не обращает внимания на современные художественные веяния. Так зарождается новое направление, в котором за внешней простотой и непритязательностью формы скрывается сложный и богатый мир, до конца не объяснимый. И литературоведы, и простые читатели обычно замечают: что-то привлекает, завораживает в его стихах, но что именно — объяснить сложно; можно только почувствовать.

Несмотря на различие жизненного опыта, исследователи творчества Рубцова подмечают в стихотворении одни и те же символы: горница, звезда, красные цветы, лодка и река. Они-то как раз и транслируют тайный смысл высшей, невидимой реальности.

«Здесь всё символично, — говорит Ирина Панова. — Горница — душа поэта, его искусство; вода — символ чистоты, очищения души; красные цветы — память о матери («Нёс я за гробом матери / альенький свой цветочек»); лодка — как у Харона, перевозчика в страну мёртвых у древних («С правого берега на левый, / среди цветов в обыденном гробу...»).

Для того чтобы уяснить значение художественных образов и прочитать в их сплетении скрытый сюжет, сначала необходимо определить пространственно-временную основу стихотворения, границу между земным миром и тем светом.

В стихотворении «В горнице» земной мир и тот свет оказываются едиными:

*В горнице моей светло.
Это от ночной звезды.
Матушка возьмёт ведро,
Молча принесёт воды...*

*Красные цветы мои
В садике завяли все,
Лодка на речной мели
Скоро догниёт совсем.*

*Дремлет на стене моей
Ивы кружевная тень.
Завтра у меня под ней
Будет хлопотливый день!*

*Буду поливать цветы,
Думать о своей судьбе,
Буду до ночной звезды
Лодку мастерить себе...*

С одной стороны, ничего сверхъестественного вроде бы не происходит. В горницу заходит матушка, приносит воды, а лирический герой между тем, мысленно обозревая свой садик, собирает в скором времени заняться налаживанием хозяйства: починить лодку и полить красные цветы. С другой стороны, стихотворение исполнено таинственного смысла.

Матушка приносит в горницу ведро воды. Андрей Грунтовский высказывает предположение, что «вода, разумеется, не для опары принесена, а для омовения». Но для нас здесь возникает вопрос: для чего могла использоваться вода, набранная в ночное время. Ведь по народным поверьям, ходить ночью за водой категорически запрещено, это то самое время, когда вода становится нечистой и обрета-

ет отрицательные магические свойства: «...широко известный запрет ходить за водой ночью мотивировался тем, что в ночное время вся вода в источниках оказывается «нечистой», что в ней «дьяволы купаются» и т.п. По сербским поверьям, набранная ночью вода, безусловно, нечистая, не годится пить такую воду. Кроме того, в «ночной воде» (т.е. принесённой в дом ночью), по представлениям белорусов, нельзя купать младенца и стирать его пелёнки, иначе на ребёнка «нападут ночницы». Вообще тёмное время суток (как и темнота во время солнечного затмения), согласно народным представлениям, негативно воздействовало на качество воды, набранной в такие моменты. После захода солнца не принято было ходить за водой, и уж, во всяком случае, такую воду не использовали для питья или для купания младенцев. Исключение составляют праздничные дни, «когда — как считалось — в полночь происходят чудесные превращения с водой, она якобы сама собой очищалась в источниках, становилась здоровой, целебной, сильной либо превращалась на короткий миг в вино, кровь, молоко или золото. Именно перелом суточного или сезонного времени воспринимался как момент радикальных перемен в природе, как время чудесных превращений с водой. Поэтому в праздничные дни за водой ходили в полночь, на рассвете, до восхода солнца».

Думается, найти и указать причину (если это вообще возможно), по которой матушка ночью пошла за водой, не столь важно. Существенно другое: необычность и неоднозначность самого действия, наделёмого в народных представлениях мистическим смыслом.

Молчание матушки также переводит событие из обычного мирского измерения в область таинственного, ведь «молчание — форма ритуального поведения, соотносимая со смертью и сферой потустороннего», более того, «отказ от речи часто выявляет принадлежность некоего лица к потустороннему миру и сверхъестественным силам».

Сакральный смысл художественных образов ночной воды и молчания подтверждает справедливость утверждения исследователей творчества Рубцова, что поэтическое действие стихотворения «В горнице» совершается не в обыденной реальности, но на границе с тем светом. При этом тот свет и этот оказываются едиными.

Матушка переступает временную границу, является из мира усопших, но её приход никак не нарушает тишины и покоя светлой горницы. Ничто не тревожит лирического героя, ничто не угнетает, как, например, в стихотворении «Памяти матери»:

*Вот он и кончился, покой!
Взметая снег, завывая вьюга.
Завыли волки за рекой
Во мраке луга.*

*Сижусь среди своих стихов,
Бумаг ихлама.
А где-то есть во мгле снегов
Могила мамы.*

*Там поле, небо и стога,
Хочу туда, — о, километры!
Меня ведь свалят с ног снега,
Сведут с ума ночные ветры!*

*Но я смогу, но я смогу
По доброй воле
Пробить дорожку сквозь пургу
В зверином поле!..*

*Кто там стучит?
Уйдите прочь!
Я завтра жду гостей заветных...
А может, мама?
Может, ночь —
Ночные ветры?*

Окончание на стр. 7

Начало на стр. 6

В этом стихотворении чётко вырисовывается картина двоемирия: существует пристанище живых – комната лирического героя, а где-то далеко, во мгле снегов, простирается царство усопших – кладбище. Этот и тот свет направлены друг к другу: с одной стороны, лирический герой стремится «по доброй воле» навестить родную могилу, а с другой – сама матушка стучится в дом. Покой кончился не из-за смутных видений, пугающих звуков, но именно из-за трагической разобщённости двух миров. Ночная пурга, препятствующая желанной встрече, сродни дьявольскому наваждению: «Меня ведь свалят с ног снега, / Сведут с ума ночные ветры!». Не случайно в народе «...опустошительные бури и зимние выюги почитались порождением нечистой силы – рышущими по полям бесами».

Пространственно-временные координаты стихотворения «В горнице», напротив, образуют идеальное царство, существующее обособленно, вне линейных законов земного времени. Противоречие между невидимым, идеальным миром и реальностью оказывается полностью разрешённым благодаря символической многомерности стихотворения. Горница, матушка, звезда, цветы, лодка и другие символы в одинаковой степени принадлежат сразу двум мирам: как небесному, так и земному. Например, свет звезды «как бы соединяет земное и небесное, настоящее, прошлое и будущее» [И.Панова. «В светлой горнице», 2008]. В литературно-фольклорной традиции символы не только обобщают и замещают то или иное событие, предмет или понятие, но и (что самое главное) – раскрывают его бытийную сущность.

Как верно замечает Н.П. Бабенко (на примере прозы Бориса Зайцева): «образы церкви, креста, небесных светил в произведениях писателя возводят к высшей реальности и приобретают значение символа: за миром вещей и явлений – феноменальным миром – встаёт мир невидимый, идеальный, ноуменальный».

В лирике Николая Рубцова действуют те же художественные законы, особенно наглядно они выражены в стихотворениях «Душа хранит», «Фералонтово». Здесь образ Святой Руси представляет собой сотворённую вечность – сакральное пространство, которое никак не меняется во времени. Такие же духовные параметры характеризуют идеальное царство и в стихотворении «В горнице». Даже то, что подвержено разрушению (в садике завяли цветы, догнивает лодка), не исчезает окончательно и бесследно, но должно обновиться («буду поливать цветы», «буду до ночной звезды / лодку мастерить себе»).

Приведём пример изображения идеального царства в творчестве других писателей. Иван Никитин в стихотворении «Музыка леса» (1855) описывает таинство захода солнца, чудесную игру света, теней и облаков. Розовый лес, открытые небеса, гряда облаков, превращающиеся в медные горы, мосты и золочёные дворцы, как предметы волшебного иного царства, исполнены золотого сияния. Тихая музыка леса навевает лирическому герою воспоминания:

Разливайтесь,
Звуки чудные!
Сам не знаю я,
Что мне весело...

Всё мне кажется,
Что давным-давно
Где-то слышал я
Эту музыку.

Всё мне помнится
Сумрак вечера,
Тесной горенки
Стены тёмные.

Огонёк горел
Перед образом,
Как теперь горит
Эта звёздочка.

На груди моей
Милой матушки
Я дремал, и мне
Песни слышались.

Были песни те
Звуки райские,
Неземная жизнь
От них веяла!..

И тогда сквозь сон
Всё мне виделся
Яркий блеск и свет
В тёмной горенке.

Не от этого ль
Так мне весело
Слушать в сумерки
Леса музыку,

Что при ней одной
Детство помнится,
Безотрадный день
Забывается?

Никитин прямо сравнивает песню матушки с райскими звуками, «яркий блеск и свет» в тёмной горенке, мерцание лампы перед иконой, похожее на свет звёздочки, матушка – всё навевает лирическому герою ощущение неземной жизни. Это ощущение можно назвать вечным, оно повторяется вновь и вновь, когда звучит на закате дня таинственная «музыка леса». Художественные описания в стихотворениях Ивана Никитина и Николая Рубцова во многом перекликаются: действие происходит в ночное время, «сквозь сон»; в полутёмной горенке Никитина горит звёздочка лампы, в горнице Рубцова светло от ночной звезды, при этом на стене дремлет «ивы кружевная тень».

Если стихотворение Рубцова устремлено в будущее («буду до ночной звезды / лодку мастерить себе»), то взгляд Никитина обращён к прошлому («детство помнится»). Детское воспоминание преобразует «безотрадный день», два мира – идеальный и реальный – оказываются едиными.

Ощущение соприсутствия божественного мира передаётся двояким образом: как трагическая разобщённость между земным и небесным миром, с одной стороны, и как их духовная цельность – с другой.

Герой волшебных сказок отправляется на поиски чудесного тридевятого царства, тридесятого государства, которое оказывается мифическим царством мёртвых. В стихотворениях Николая Рубцова лирический герой точно так же желает пересечь границу обыденности, устремляясь к далёкому и неведомому миру. Сквозь пургу и ночные ветры он мечтает попасть на могилу матери или, например, – в другом стихотворении – жаждет найти таинственные зелёные цветы на белых стеблях, увидеть которые, хотя они и не существуют в земной реальности, стало для него неиссякаемой душевной потребностью:

Остановившись в медленном пути,
Смотрю, как день, играя, расцветает.
Но даже здесь... чего-то не хватает...
Недостаёт того, что не найти.

Как не найти погаснувшей звезды.
Как никогда, бродя ввечу степью,
Меж белых листьев
и на белых стеблях
Мне не найти зелёные цветы...

Идеальность мира в народном поэтическом творчестве предполагает возможность такой полноты жизни, когда зелёные цветы не только вырастут, но окажутся близкими и доступными для человека, ищущего их. «Вот в этом, можно сказать, четвёртом измерении, – писал о Николае Рубцове Роберт Винонен, – коренится его своеобразие и его значение для поэзии наших дней. Он не искал для своих стихов совсем уж необыкновенного слова. Но и в том, что ему удалось сказать, чувствуется знание какой-то невидимой в быту границы, за которой угадывается нечто нравственно незыблемое, где обрываются большие и малые неправды и обиды. Остаётся лишь Добро, безгрешность и святость...».

Иной мир стихотворения Рубцова «В горнице» так же, как и в сказке, соответствует царству мёртвых, чудесному иному, которое, однако, следует отличать от полного небытия. Без этого важного уточнения наше представление о художе-

ственных особенностях стихотворения будет неполным.

В волшебных сказках прослеживается разделение мёртвых на сухих в инобытии и ушедших в небытие. Если из инобытия умершие могут не только подавать определённые сигналы, но даже вернуться, пройти путь в обратную сторону, как, например, в сказке «Жена покойница», то для небытия характерно полное и окончательное уничтожение: так исчезает, рассыпаясь в прах, нечистая сила, если её окропить святой водой (сказка «Упырь»). Герой волшебной сказки стремится попасть именно в инобытие – в тридевятое царство, тридесятое государство, для этого, однако, он должен внутренне или внешне измениться. По наблюдению О.Г. Щербининой, переходным мостом из одного мира в другой нередко служит чудесный сон. «Сновидения воспринимались в древности как реальный потусторонний мир, куда на время отправляется спящий. Не удивительно, что для отправки на тот свет герою нужно заснуть. А потом опять поспать, пройдя в обратном направлении». Так проявляется скрытое значение сказочных формул: «Ложись-ка спать, утро вечера мудренее», «Ты сперва напой-накорми, да спать уложи, потом и выпрашивай!».

Если мы обратимся к первому варианту стихотворения, то заметим, что автор прежде всего описывает своё ночное сновидение. Первый вариант стихотворения так и назывался: «В звёздную ночь». Единство прошлого и настоящего претворяется здесь в чудесном сне, оживляющем «тысячи безвестных лет». В этой иной реальности, окутанной сном, лирический герой обращается к матушке с вопросом:

– Матушка, который час?
Что же ты уходишь прочь?
Помнишь ли, в который раз
Светит нам земная ночь?

Но матушка, как в первом, так и во втором варианте стихотворения, ничего не отвечает. Близость смерти ощущается по сгущению тишины, которая является прообразом запредельной божественной тишины, отображением той вечной тишины, что ждёт нас, «по молчанию людей, как будто хранящих какую-то невыразимую тайну».

Подчёркнём, что смерть в народном восприятии не равна состоянию небытия. Мир усопших вечно жив, это – инобытие, которому лирический герой оказывается сопричастным благодаря сну. Так же, как и в волшебной сказке, сон служит переходным мостом между разными измерениями:

Сколько же в моей дали
Радостей пропало, бед?
Словно бы при мне прошли
Тысячи безвестных лет.

Словно бы я слышу звон
Вымерших пасхальных сёл...

Сон, сон, сон
Тихо затуманит всё...

Происходит смысловое сближение темы смерти и главного христианского праздника – Воскресения Христова. Несмотря на то, что сёла давно вымерли, пасхальный звон церковью слышен так же явственно, как и тысячу лет назад. Временный свет «земной ночи» соединяется с праздником Вечного Воскресения.

Такое сближение является не единичным, но постоянным и закономерным явлением в лирике Николая Рубцова. Например, в стихотворении «Конеч» завершение жизни также связано с пасхальными образами весны и колокольного звона:

Смерть приближалась,
приближалась,
Совсем приблизилась уже –
Старушка к старику прижалась,
И просветлело на душе!

Легко, легко, как дух весенний,
Жизнь пролетела перед ней,
Ручьи казались, воскресенье,
И свет, и звон пасхальных дней...
Кладбище, могилы которого пребывают в состоянии сна, приравнивается к временному пристанищу, к переходному «пункту» в инобытии. Так возникает представление, а то и ощущение, что миры живых и усопших разделяет некоторая граница: пространство спящих могил. В черновом варианте стихотворения «Конеч» сохранились такие строки:

А он, взволнованный и юный,
Как веселился! Как любил!
Как за оградой чуждой
Покоил сон родных могил!

Как герой волшебной сказки, засыпая, переступает из одной реальности в другую, так и в стихотворениях Рубцова чудесный сон, окутывая земной простор, раскрывает иное, существующее вечно царство.

Сохранилось воспоминание поэта Сергея Багрова о том, как Николай Михайлович распевал своё стихотворение «В звёздную ночь»: «Долго сидели мы так, отдыхая. Потом Николай поднялся. Взглянул в окно на покрытую снегом реку и запел <...>. Голос Рубцова плыл на спокойной задумчивой ноте. Я забылся, что я за столом. Песня схватила меня за самое сердце и понесла куда-то сквозь стены дома, и я разглядел большое село над рекой с белокаменной колокольной, откуда звонил и звонил старинный звонарь. Былое смешалось с сегодняшним, было грустно, но и отраднo, как на вокзале или на пристани, когда уезжает кто-то из близких, однако твой друг остаётся с тобой и снова споёт тебе лучшую песню».

Ощущение нездешнего мира связано с грустью, но грустью особого рода – светлой, зовущей в неведомую даль.

Год уходящий

САМЫЕ ЯРКИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ ГОДА: КОНЦЕРТ, СПЕКТАКЛЬ, КНИГА

Андрей ПЕТРОВ

Кончается високосный 2024-й год. Это год моего 60-летия, 30-летия моего театра «Балаганчик» — события для меня знаковые. Кроме того, в уходящем году довелось увидеть, услышать, прочитать немало интересного, важного, значительного. Просто перечислять — неинтересно. Лучше расскажу подробнее о чем-то конкретном. Пусть это будет один концерт, один спектакль, одна книга.

«НУ ЧТО Ж, ДРУЗЬЯ, НЕПОМИНАЙТЕЛИХОМ, ПОДНИМАЮ ПАРУСА!»

Без всякого объявления на сцену вышел пожилой человек в очках, встреченный бурными аплодисментами зрителей, сел на стул, взял в руки гитару и поприветствовал зал фразой: «Я в первый раз приехал в Архангельск». Так начался долгожданный концерт патриарха бардовской песни Юлиа Черсановича Кима в нашем северном городе в Камерном зале филармонии — Кирхе. Без ложной скромности Юлий Ким с присущей ему фирменной кимовской иронией назвал сам себя одним из зачинателей бардовского движе-

ния, тем самым патриархом, как его порой объявляют на концертах. Выступление в Архангельске и началось с подтрунивания над собственным статусом и возрастом: для затравки Ким исполнил два своих иронико-саркастических посвящения другим, как он выразился, выжившим патриархам бардовской песни — Александру Городницкому и Дмитрию Сухареву, уже перешагнувших порог 90-летия.

А дальше начался, по определению самого Кима, творческий отчет буквально с самых первых песен, которые появились еще во время учебы их автора в Московском пединституте. Оказывается, что среди этого первого десятка сочинений есть и ставшие уже классическими, даже народными песни: «цыганская» — «Эх, судьба моя косолапая...» («Жестокий романс») и «русская» — «Губы окаленные», получившая огромную популярность, когда спустя 20 лет после ее создания она прозвучала в фильме «Пять вечеров».

Незабвенный для барда Камчатский период его жизненного пути — работа в школе в далеком рыболовецком поселке Анапка. Там-то и развернулась в полную силу его бурная творческая деятельность. Еще в предвкушении поездки на Камчатку он сочинил свою знаменитую песню «Рыбакит». Среди собственно камчатских произведений и такая классическая песня, как «Капитан Беринг», которая, конечно же, тоже прозвучала на концерте. Камчатский цикл сменился парадом участников Отечественной войны 1812 года, созданном уже по возвращении барда в Москву в годы его учительствования в одной из отличных школ. Участники этого песенного парада — brave гренадеры, кавалергарды и бомбардиры — были представлены публике.

А потом случилась встреча Юлиа Кима с профессиональным кинематографом. Для фильма «Улица Ньютона, дом 1» ему было предложено написать дорожную студенческую песню в духе Визбора. По совету Юрия Ковалю он создал на основе своих камчатских напевов то, что впоследствии стало классикой авторской песни — «Негаданно-нечаянно», помните: «Ну что ж, друзья, не поминайте лихом, поднимая паруса!» А фильму «Похождения зубного врача» по сценарию Александра Воло-

дашкевичем и Геннадием Гладковым, в соавторстве с которыми создано огромное количество песен для театра и кино. На концерте Юлий Ким подробно рассказал об истории появления песен для фильма, а потом и спектакля «Бумбараш», ставших суперпопулярными, и проникновенно исполнил такие песенные шедевры, как «Журавль по небу летит» и «Ходят кони».

Следующий блок песен посвящен различным нарушениям закона — пиратам, контрабандистам и прочим, среди них, конечно же, один из самых ярких Остап Бендер, и потому в концерте не могла не прозвучать его песня на музыку Геннадия Гладкова «Белеет мой парус», собственно, ее название и вынесено на афишу. Потом Юлий Ким напомнил песню, которая сейчас воспринимается исключительно фольклорной, хотя имеет авторов, — «Коричневая пуговка» и исполнил свои ее вариации, развивающие и закрывающие тему шпиономании: в результате герой-пионер, разоблачитель диверсантов, сам попался в собственный капкан чрезмерной бдительности.

Так пролетело почти два часа концерта с разговорами, Юлий Ким готов был продолжать, однако в какой-то момент почувствовал, что его певческие способности иссякают, и завершил программу жизнеутверждающими пожеланиями публике и обещаниями снова приехать в Архангельск. Тем не менее общение барда с поклонниками продолжилось, потому что на сцену устремились зрители, чтоб взять автограф, сфотографироваться, сказать добрые слова гостю.

От концерта остались самые благоприятные впечатления, как будто от встречи со старым добрым другом, да так оно и есть, потому что чудесные песни Юлиа Кима уже очень давно сопровождают нашу жизнь и помогают нам справиться с разного рода неурядицами. Радостно, что Юлий Черсанович в таком солидном возрасте пребывает в отличной физической форме, с хорошим чувством юмора и с неиссякаемым оптимизмом. Дай Бог ему здоровья и благополучия еще на долгие годы.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ДЕТСТВО — КАК СПАСЕНИЕ

В Архангельске состоялись гастрольные спектакли Санкт-Петербургского Большого драматического театра им. Г. Товстоногова со спектаклем «Когда я снова стану маленьким» по произведениям Януша Корчака (режиссер — Евгений Ибрагимов).

Основной реквизит и символ этого удивительного спектакля — старый потёртый чемодан. С таким чемоданом выходит на сцену исполнитель главной, а по сути единственной, роли. Такие чемоданы в большом количестве уже расставлены по сцене наряду с множеством самых разных причудливых вещей, из которых по ходу представления будут сооружены дома, дворы, школа, поезд, город... В форме чемодана изготовлена программка, в которую вложены открытки с фотографиями сцен из спектакля и портретами его создателей.

О чем спектакль? О детстве, о детской дружбе и детских мечтах, о детском восприятии мира и людей. А ещё о становлении и взрослении человека. В основе спектакля — произведения Януша Корчака, великого педагога, который как никто

другой понимал и уважал мир детства. Трагическая судьба самого Корчака не является темой представления, но она подспудно проступает сквозь все происходящее и произносимое на подмостках. И по-

тому открытость и лёгкость неограниченной свободы детской фантазии, детской игры в жизнь представляются по-особому хрупкими, уязвимыми и потому тревожными.

Главный герой — простой варшавский мальчишка Владек, у него есть папа и мама, братишка и сестричка. Его семья из-за нехватки средств вынуждена переселиться в более бедный район города, но ведь переезд — это же здорово, это приключение. Лишения, трудности и даже смерть родного человека не отменяют детства, дружбы, первой любви. У Владека есть друг — Олек, с которым они создают «Союз рыцарей чести», чтоб по-рыцарски помогать слабым, чтоб организовать не что-нибудь, а детский парламент, в котором каждый ребенок мог высказать то, что он хочет. И кто-то выскажет: «Чтоб люди были ангелами».

Во время представления здесь и сейчас рождается чудо. Актер Тарас Бибиц ведёт доверительный, искренний разговор со зрителями. Манипулирует множеством предметов, а главное — оживляет множество очень выразительных кукол, созданных художником Натальей Мишиной. Постепенно сцену заселяет большое количество персонажей, которым доверяешь, судьба которых волнует. Есть у главного исполнителя деликатные помощники — скрипач Борис Кипнис и актриса Светлана Шадрина, которые время от времени появляются то в образе родителей героя, то в качестве какого-то выразительного символа.

Возвращение в детство — как спасение, как преобразование, как откровение. И в конце концов — как предупреждение. В этом главная мысль этого замечательного спектакля — трепетного, проникновенного, пронзительного.

«ПРИЧУДЛИВЫЕ СОЗВУЧИЯ СУДЕБ»

Книга Василия Авченко «Красное небо» (Москва, 2023) замысловато сконструирована. В ней рассказывается о судьбе одного летчика, ставшего писателем. Это реальная биография реального человека, ведь книга документальная. Однако здесь говорится не только и не столько об этом самом летчике. Герой, можно сказать, лишь повод, чтоб рассказать и порассуждать о многом, о том, что автор считает важным и нужным. Книга имеет показательный подзаголовок — «Невыдуманные истории о земле, огне и человеке летающем». Здесь представлены предистория, сопутствующие истории и собственно история авиации в России — Советском Союзе на фоне истории мировой авиации.

А где авиация, там и выход на космическую тему, но, как выясняется, это тоже неслучайно и тоже связано — если не пря-

Окончание на стр. 9

86 СЕЗОН
2023–2024

ПОМОРСКАЯ ФИЛАРМОНИЯ

ПРЯМАЯ РЕЧЬ

13 ЯНВАРЯ
КИРХА
17:00

Юлий Ким
БЕЛЕЕТ МОЙ ПАРУС
концерт с разговорами

Камерный зал (б. Маркса 3) 20-80-66 Касса в зале ДНТ (пл. Ленина, 1) 21-56-69 POMORFIL.RU POMORFIL

Начало на стр. 8

мо, то косвенно — все с тем же сквозным героем, чья судьба стала поводом для написания книги, и, как говорится в аннотации, «вокруг которого странным и порой удивительным образом закручиваются и переплетаются все сюжеты». Автор признается: «Всегда завораживали, останавливали взгляд эти странные сближения, причудливые созвучия судеб».

А еще в центре внимания автора, конечно же, его родной и любимый Дальний Восток. Написано увлекательно, насыщенно, плотно. В книге густо от дат, цифр, имен, что порой может показаться утомительным, но и в этом в конце концов находишь определенное достоинство, заражаешь авторской увлеченностью, стремлением выплеснуть всё, что накопилось. Пролог, в котором отдельными всплесками даются фрагменты сюжетных линий книги, интригует, захватывает, провоцирует, он коррелирует с последней главой, которую можно посчитать эпилогом.

Итак, главный герой книги — Лев Колесников, он из рода первого летописца Владивостока Николая Петровича Матвеева, о его семье подробно рассказывается в первой главе «Матвеев-Амурский и его потомки», из нее, в частности, мы можем узнать, что двоюродными братом и сестрой героя являются известные поэты Иван Елагин и Новелла Матвеева. Мать героя в юности дружила с будущим писателем Александром Фадеевым, мало того она была его первой любовью — об этом рассказывает глава «Александр и Александра: повесть их юности». Впоследствии Александр Фадеев сыграет важную роль в писательской судьбе Льва Колесникова.

Как видим, пока никакого неба, здесь говорится о земных корнях героя, но это лишь подготавливает к основательному разговору о его главном призвании — авиации: у нее свои корни, своя история, о которой подробно, дотошно, увлекательно рассказывается в следующей главе — «Небесные тела и души», авиаторов автор называет не иначе как «очарованными крылатыми странниками». Приведем показательные цитаты: «Путь в герои и легенды открыт не всем — количество вакансий ограничено. Как будто в общественной памяти для каждого вида человеческих занятий есть особая ниша, куда помещаются лишь одно-два имени, а всех других помнят только узкие специалисты-историки»; «На авиацию работала целая страна: миллионы людей, тысячи предприятий, сотни конструкторов. Ставку на гениев, на чудо делать было нельзя»; «Авиация занимает в промышленности то же место, что и тигр в тайге, — это вершина технологической цепочки»; «Неудачливые конструкторы, неудержимые фантазеры берут на себя важную роль: показать, как нельзя, чтобы стало ясно, как можно. Слава дается другим, удачливым, но в их удаче — весомая заслуга проигравших».

Особая страница истории авиации, которой посвящена отдельная глава книги, — «В ревуших сороковых»: война и после войны, именно то время, когда наш герой формируется как военный летчик, он только учится летать, но в воздушных боях пока не участвует. И прежде чем ему выйти на боевую арену в Корею, автор рассказывает о «Большой войне в маленькой Корее»: в главе с таким названием представлены многочисленные документальные свидетельства, дается обзор источников. И отдельная глава о значительной роли авиации в этой войне — «Аллея «МиГов». И только потом о собственно боевом пути героя в небе над Кореей, об этом глава «В чужом небе. Секретная командировка летчика Колесникова».

А дальше речь идет о его писательстве «Проза после войны», герою приходилось писать завуалированно о том, что ему довелось испытать: в то время описываемые им события были окутаны завесой тайны. Автор убежден: «События, не отраженные художественной литературой, как бы не существуют совсем»; он сожалеет: «Место русского Экзюпери по-прежнему вакантно». А еще автора очень волнует животрепещущий вопрос о войне и мире, он постоянно к нему возвращается: «Лучший бой, говорят мастера боевых искусств, — тот, который не случился. К войне следует готовиться уже для того, чтобы она не началась»; «Танец с

саблями прекрасен, но сабли придуманы не для танцев»; «Мира на этой планете не будет никогда».

Потом, вроде бы, неожиданно и нелогично, идет глава «Долгая дорога на Луну» — о космической эпопее человечества, о реализации лунной программы. Казалось бы, какое это имеет отношение к нашему герою? Оказалось, прямое, вернее, все-таки косвенное, а главное, наш герой снова стал поводом для выхода на очень интересную тропу. И наконец в завершающей главе-эпilogе с романтическим названием «Над голубой рекой, или Пятнадцать мгновений судьбы» все тропы сходятся. Во время путешествия по этим самым тропам читателям предстоит познакомиться с интересными наблюдениями, комментариями, рассуждениями автора, который здесь отнюдь не безликий отстраненный повествователь, он предстает живым, неравнодушным, любознательным человеком — активным участником и сопереживателем описываемых событий.

Большой интерес представляют яркие эмоциональные лирические отступления автора, которые представляются панегириками и, можно сказать, поэмами. Так, одна из главок названа, как и вся книга, — «Красное небо», она имеет подзаголовок «технологическая поэма»: «Творилась коллективная технологическая поэма. Ее вдохновенно сочиняли на протяжении десятилетий сотни авторов — мастеров, конструкторов, испытателей...». Или вот такое откровение: «Мое прикосновение к авиационному миру ограничено, как и у абсолютного большинства, задираньем головы к небесам (звук турбины, а особенно поршневого мотора наполняет меня неизъяснимым трепетом) да скромной ролью пассажира. Но даже этот выдающийся опыт позволяет ощутить таинство, мистику, магию и власть Неба».

А как вам каламбуры, афористические высказывания: «Не всякий летчик, которого сбили, — сбитый летчик»; «Летчики бывают летающие и нелетающие, но не перестают быть летчиками»; «Герой — не профессия; мир после войны — как бы не тяжелее самой войны»; «Жизнь после подвига порой сложнее самого подвига»; «К успеху готов не каждый. Успех может быть страшнее краха». Или вот такое озарение: «Всё — рядом, времена и пространства сжаты и обжиты, глобальная история тесна и интимна. Всякий маленький человек вовлечен в процесс тектонического размаха. Каждый связан с каждым, словно население Земли состоит из считанных сотен людей, а жизнь человечества утрабована в немногие десятки лет».

Василий Авченко убежден, и в этом состоит основной пафос его книги: «Чтобы появился гений, нужны сотни талантов и тысячи посредственностей. Каждый триумфатор должен помнить, что он стоит на плечах и гигантов, и забытых неудачников, без которых не мог бы состояться. Триумф победителя предполагает наличие многих проигравших — иначе и триумфа не будет».

В заключение хочется сказать о книге словами самого автора: она — «не только о летчиках и самолетах, но о том, о чем вся хорошая литература: о месте человека в жизни, выборе и совести, любви и смерти, недостижимости счастья...».

Ольга БОТОЛИНА

В прифронтовой полосе

Жизни спутанные нити...
Дмитрий Мережковский, «Парки»

Прочитала документальный роман «Парижские мальчики в сталинской Москве» Сергея Беляева — историка, писателя, автора многих литературных работ, в частности «Гумилёв сын Гумилёва». На этот раз читателю представлен недолгий жизненный путь Георгия — младшего сына большого поэта серебряного века Марины Цветаевой и её мужа офицера Сергея Эфрона. В семье мальчика называли Муром, очень его любили и баловали. Соответственно жанру, в произведении использованы достоверные факты из жизни взрослого мальчика в условиях проживания в семье, во Франции, в СССР.

Но речь я поведу не о том. Не о содержании книги и особенностях подачи материала, а об открытиях, поразивших меня в конце прочтения романа. Именно — о неожиданных пересечениях основного героя книги Георгия Эфрона и моего отца Николая Малыгина. Об их удивительным образом «жизни спутанных путей».

Рос себе паренёк Мур в неординарной семье, избалованный, и как закономерный результат — самовлюблённый и эгоистичный. Парижский мальчик. Пока его не привезли в столицу СССР Москву не в самые лучшие для страны годы. Страшные годы.

А другой мальчишка Коля, родившийся на два года позже «француза» в простой крестьянской семье в глубинке Архангельской тайги, рос в рубленой деревенской избе с двумя сёстрами, дальше деревни не бывал и ни про какой Париж не слышал. Гонял мяч, играл со сверстниками в лапту, «воровал» знамя, катался на лыжах и санках с крутого берега реки Пинеги...

Эти мысли вереницей побегут после. Когда буду читать о начале Великой Отечественной войны, о призыве Мура на фронт...

Повестку из военкомата Георгий Эфрон впервые получит в январе 1943 г. (в том же году прочтут в вооружённые силы и моего отца), но по-настоящему отправится на фронт с 28 мая 1944 года: «Красноармеец Георгий Эфрон зачислен в 3-й батальон 437-го стрелкового полка 154 стрелковой дивизии, 103-й корпус 6-й Гвардейской армии 1-го Прибалтийского фронта». А 22 июня 1944 года началась знаменитая операция «Багратион».

Информация оказалась знакомой: Полоцк, Баграмян...

Генерал армии (будущий маршал Советского Союза) Иван Христофорович Баграмян командовал 1-м Прибалтийским фронтом, командный пункт 6-й Гвардейской армии. В июле Ставкой Верховного главнокомандования (Сталин и Жуков) ставится задача 1-му Прибалтийскому фронту: «... наступать в общем направлении на Шауляй, правым крылом фронта продвигаясь на Даугавпилс, левым — на Каунас». Баграмян перебрасывает 103-й корпус 6-й Гвардейской армии на северо-запад, и начинается наступление на г. Двинск (Даугавпилс). Полк Мура находит-

ся в составе этого корпуса. И в тяжелой фронтовой обстановке на коротких солдатских передышках между боями молодой человек не перестаёт вести дневниковые записи: «... в последнее время мы только и делаем, что движемся, движемся, почти безостановочно идём на запад, за 2 дня мы прошли свыше 120 км (пешком!) И на привалах лишь спишь, чтобы смочь идти дальше»; «... я просто не знаю, как я выдержал, помню только, что я энергично думал почему-то о Флоре (!) и шёл в каком-то обмороке». Ротный командир отмечал бесстрашие в изнеженном французском мальчишке, что подтверждают и признания самого Георгия: «... я совершенно спокойно смотрю на перспективу идти в атаку с автоматом, хотя мне никогда не приходилось иметь дело ни с автоматом, ни с атаками». Поскольку Георгий Эфрон отличался патологической аккуратностью, к нему прилепился фронтовая кличка Чистёха. А за неприспособленность к физическим нагрузкам однополчане шуточно называли Мура Москвичом. В июле 1944 года немцев выбыли из Полоцка — Мур в это время воевал на другом направлении.

Читаю в записях отца: «... нам много не говорили, привезли куда-то в лес, где-то у Полоцка...» Отец попал в 154-ю стрелковую дивизию 6-й Гвардейской армии 1-го Прибалтийского фронта, № полка 927-й стрелковый. Шли с боями на Ригу — 8-й Сталинский удар — г. Бауска, где отца ранило, затем госпиталь, опять Прибалтика — Курляндский полуостров, Тукмус. От Тукмуса до Литвы, со слов отца, русскими солдатами было отрезано и прижато к морю триста тысяч немцев: «... вот мы их и держали, чтобы не прорвались на помощь Берлину». В 1945 году с боями русские войска шли в наступление, в Пурисмати. Среди бойцов героически сражался и мой отец. И тоже — шли и шли... «Делали переходы по сорок километров за ночь, а идёшь и на ходу спишь», — отец идёт по той же Прибалтийской земле, словно в одном строю с Георгием Эфроном, испытывая те же изнурительные фронтовые испытания.

Отец был дома, в деревне, когда началась война. Он не был изнеженным баловнем, после окончания семилетки в 1940 году в 14 лет валил лес на лесоповале как взрослый мужик. В лес и принесли повестку в военкомат в 1943-м. 26 октября 200 парней-ровесников 1926 года рождения уже были в дороге. Сначала шли более 100 км пешком до пункта призыва — п. Усть-Пинега, оттуда катером призывников переправляют в Архангельск на семь месяцев военной подготовки на младших командиров. Потом маршевая рота в Вологду, там роту добавили и — на фронт. «Мы были автоматчиками, — нахожу в записях отца. — Шли с боями по Прибалтике, 1-й фронт под командованием Баграмяна. Гнали немцев двадцать километров без передышки к Балтийскому морю под беспощадной и почти непрерывной бомбёжкой гитлеровцев, а те косили нас пулемётным огнём. У нас же не хватало артиллерии, танков, всё острее становилась нужда в боеприпасах. У немцев всё пристреляно. Наши танки горели. Самолёты бомбили ежедневно. Пулемётный огонь как дождь. Много народу погубило...» — в который раз читаю откровения отца о фронтовой доле в статье «Фронтовые будни солдата» районной газеты «Пинежская правда» и своей в книге «Нелёгкие вёрсты» — «Пол-Европы пешком». Отец удивлялся, что в боях ему везло. Ведь он был ещё и связистом, восстанавливал под пулемётным огнём телефонную связь.

Папа тоже принёс с фронта кличку за малый рост и возраст Пацаняка. Довоёвывал в Прибалтике целую пятилетку после капитуляции Германии в 1945-м. Он вернётся с войны на родную землю в 1950 году. С ранением и военными наградами: орден Славы III степени, 2 медали «За отвагу», орден Отечественной войны I степени, медаль «За Победу над Германией». И подарками за самоотверженность в военных условиях из рук самого генерала Баграмяна.

Мур, к сожалению, к тому времени погибнет. Последний бой 19-летнего французского мальчишка 7 июля 1944 года за д. Дзуйка оказался роковым.

Продолжение на стр. 10

Начало на стр. 9

Согласно источникам, во время операции «Багратион» в тот злосчастный день на этом участке фронта не оказалось наших самолётов, хотя нельзя сказать, что был недостаток авиации в воздухе. Пользуясь просчётом военачальников и выгодным моментом, немцы нещадно бомбили и обстреливали не только атакующие советские части – всё вокруг без разбора подлежало уничтожению. Будучи в пекле крупных сражений, юноша записал в дневнике: «смерть страшна и безобразна». Но и в шаге от гибели был абсолютно уверен в собственной неуязвимости: «...моя звезда вынесет меня невредимым из этой войны»...

После взятия Дзюбичи советское наступление было приостановлено: немцы перебросили против 6-й Гвардейской армии подкрепление. После возобновившегося наступления полуразрушенный Даугавпилс возьмут войска соседнего 2-го Прибалтийского фронта.

Похоронку на Георгия Эфрона родственникам не пришлют. Его исчезновение было загадочным, окончательная версия – погиб при взрыве автомобиля, который вёз раненых в военный госпиталь, в том числе и «французского мальчика» Георгия Эфрона... И всё же спустя годы (30 лет!) в д. Струневщина Друйского сельсовета Браславского района Витебской области на безымянном воинском захоронении № 2199 появилась надпись: Эфрон Георгий Сергеевич, погиб в июле 1944 г.

Отец вернулся домой, женился на маме Ушаковой Галине Ивановне, воспитал 4-х детей. Ушёл из жизни в 1993 г. в возрасте

67 лет. Ему как воину, герою и победителю в Великой Отечественной войне поставлен государственный памятник.

После войны Георгий Сергеевич Эфрон мечтал вернуться в Париж, стать литературоведом. «Верь в будущее – оно наше», – завещал он другу Дмитрию Сеземану. Отец Малыгин Николай Васильевич всю жизнь работал в лесопункте и сельпо рабочим. Пел под гармонь военные песни и вспоминал боевых товарищей. Их взрослая жизнь в 17 и 19 лет в лихие военные годы только начиналась...

Когда-то мать Георгия Марина Ивановна Цветаева записала в черновике: «...мальчиков нужно баловать – им может на войну придётся»...

Я не веду учёт прочитанных книг. Работаю в Новгородском Кремлёвском музее-заповеднике, время досуга ограничено, поэтому чтение не планирую, читаю по возможности всё, что попадает под руку – и книги, и журналы, в том числе «Иностранную литературу». Иногда мне присылают «Невский альманах», если в журнале есть мои публикации. Читаю в нём всех авторов прозы. И, разумеется, с разделом «Поэзия» знакомлюсь тоже. Нужно время и на усвоение информации, и на размышления после прочитанного материала. А возможно, и на написание отзыва или аналитической статьи. Интернет тоже отнимает немало времени.

Заинтересовали в частности воспоминания Бориса Мессерера «Промельк Беллы. Романтическая хроника» (2016 г.) о времени, проведённом рядом с поэтом Беллой Ахмадулиной, об общении с творческой интеллигенцией, друзьях-шести-

десятниках, о поездках по стране и выступлениях знаменитой супруги. О том, как артистическая чета брежневской эпохи жили в Тарусе, снимали профессорскую дачу на берегу Оки. В жизни они нашли друг друга, когда обоим было под сорок, и больше не расставались.

В последние годы поэтесса почти слепла. – Я лишилась своего любимого занятия – чтения. Из-за плохого зрения не могу читать книги, и это делает мою жизнь невыносимой, – сокрушалась Белла Ахмадулина.

Много читано-перечитано разножанровых публикаций: повести, рассказы, новеллы... Всего не упомнить. Перечитала собрание сочинений Сергея Довлатова. Из последних прочитанных книг – документальный роман «Парижские мальчики в сталинской Москве» Сергея Беляева, который выбил из колеи невероятным открытием: сын поэта Марины Цветаевой Георгий Эфрон и мой отец воевали в Великую Отечественную на 1-м Прибалтийском фронте под командованием генерала Баграмяна. Потрясение. Результат – статья «В прифронтовой полосе» (Стихи.ру).

Роман Александра Линевского «Беломорье» рассказывает о жизни поморов нашего Белого моря до и после революции. На примере героев произведения можно проследить, как менялся вековой уклад простого народа. События происходят в Сорокском (Беломорском) районе, Мурманске, Архангельске, Кандалаксе, Ковде, Петрозаводске, Кемь. Открыла для себя, что совсем мало знала об интервенции и оккупации русского севера иностранными войсками. Пересеклось с нынешними событиями на Украине. Прониклась к судьбам молодых героев революции, расстре-

лянных интервентами – Каменеву, Малышеву, Вицупу. Герои, с которыми прошла пути-перепутья на страницах романа, не просто запомнились, а живут в подсознании и душе. Заставляют удивляться, переживать, думать, анализировать. Интересная и познавательная книга.

В настоящее время увлеклась историческим романом Генриха Манна «Молодые годы короля Генриха IV» или «Юность короля Генриха IV», посвящённым молодости французского короля Генриха IV де Бурбона (1-й том), впереди 2-й – «Зрелые годы короля Генриха IV». Очень увлекательное чтение!

Татьяна БЕЧИНА

Любить... но кого же?..

на время – не стоит труда...
М. Лермонтов

Признание героя в конце произведения Захара Прилепина «Зима» меня ошело-

мил: как?! почему?! Уж чего-чего, но этих слов от него я никак не ожидала. Казалось, героя переполняет счастье: он влюблён в ту, которая сейчас в номере гостиницы сладко спит... он вернётся к ней и бросит к её ногам трофей «в качестве подарка»: море, скалы, чаек, рассветное небо... скажет о своей любви...

Однако не суждено...

Вернулась к рассказу.

Внешняя канва его проста: «он» и «она» (герои безымянны) «приплыли... вечером на пароме из Неаполя», остановились в отеле на берегу моря, чтобы провести здесь несколько счастливых дней. Зима. Вокруг никого. Они одни. Она, усталая, засыпает. Он, очарованный ночной грозой, в одиночестве совершает прогулку к морю и по возвращении в отель говорит ей, уже проснувшейся: «Я больше не люблю тебя». Этой репликой завершается рассказ.

Во время прогулки он многое про себя поймёт, но об этом – в другой раз. Сейчас – о ней.

В начале рассказа автор изображает героиню от всего «отстранённой». Её ничто не интересует: «ни скалы, ни чайки, ни спокойные тихие огни».

В произведении она не произнесёт ни слова, лишь трижды даётся описание её портрета.

Первое. У неё «уставшее, будто обращённое в себя лицо, маленькие, красиво и точно прорисованные... губы и маленькие зубки, всегда очень белые, и маленький язык во рту». Герой «невыносимо

любил всё это», «... считал совершенным то, что видел: ноздри, маленькие, как у куклы, мочки ушей... родинку на виске, сам висок, шею...»

Второе. «Она лежала там, в пустой гостинице... со своим прекрасным лицом, и он... вспомнил маленькие, красиво и точно прорисованные... губы и маленькие зубки, всегда очень белые, и маленький язык во рту... он невыносимо любил, любил, любил все это».

Третье. «Ее маленькие губы, красиво и точно прорисованные губы... маленькие зубки, всегда очень белые, и маленький язык во рту... и ноздри маленькие, как у куклы, и мочки ушей... до смешного маленькие, и линию лба, и родинку на виске, и сам висок, и шею, и улыбку – всё это он давно уже выучил наизусть».

Портрет статичен. В его изображении преобладает нейтральное слово «маленький»: малость во всём. Она будто кукла Барби. Только у куклы «прорисовываются губы»; автор использует также сравнение: «ноздри, маленькие, как у куклы». В начале рассказа героиня, подобно кукле, «держалась за его руку», «сидела... глядя в одну точку».

Благодаря портрету чувствуешь смену отношения героя к ней.

В первом случае он не сомневается в своей любви: «невыносимо любил».

Во втором – герой словно хочет убедить себя (автор – читателя), что очень её любит, повторяя «любил, любил, любил всё это».

(Бука. Туутики Толонен), мы уже читали со старшими детьми, с младшим – нет. Поэтому вечерами перед сном читаем сначала.

Швеция, Германия, Австралия и Италия – это тоже детская и подростковая литература.

Англия – это Джудит Вландерс «Всему свое место: Необыкновенная история алфавитного порядка»

Америка – трилогия «Смертельное образование» Наоми Новик и подростковый цикл про Энолу Холмс (сестру Шерлока и Майнкрфта) из 6 книг.

Китай – пока открываю, пробую, интересуюсь. Пу Суньин – 16 век, Се Чжихуэй – современный автор.

Япония. Повесть о прекрасной Отикубо – история о японской Золушке X века. Это Мори «Многоцветье», Макоето Синкай, Наруки Накагава «Она и её кот» – милые истории. Котаро Исака «Поезд убийц» – хочу продолжить знакомиться с этим автором. И с японской литературой тоже.

В третьем описании на её лице – улыбка. «Лови, охотник» Это зов для начала любовной «игры». Она играет; «жертвует» собой; на всё согласна: «Будь что будет». В небольшом абзаце трижды используется слово «игра».

Он «охотник» и всегда ждал этого зова. Она для него «трофей». Однако далее читаешь устало-равнодушное признание героя, что всё это он «давно... выучил наизусть». А то, что знаешь наизусть, уже неинтересно. Жертва ему не нужна. Играть он уже не намерен. Море на многое открыло ему глаза.

Моё (и не только моё) недоумение понятно. Жив стереотип читательского мышления. Как тут не вспомнить Пушкинское: «И вот уже трещат морозы / И серебрятся средь полей...» (Читатель ждёт уж рифмы розы, / На, вот возьми её скорей!)

Так и здесь: «читатель ждёт уж» слов любви, а писатель подбрасывает: «На, вот возьми: «Я больше тебя не люблю».

Оправдать этих слов не могу. Понимаю, даже чувствую, как тяжело героине услышать их, и вряд ли она сможет простить его. Трудно представить, как она отправится одна в такой нелёгкий обратный путь... Но это уже другая история. И у каждого она будет своя. Писатель же заинтриговал читателя, по крайней мере, меня, заставил перечитать рассказ и многое осмыслить.

Но это будет другая история.

Южная Корея. Разнообразие авторов и жанров. Детективы, триллеры, постапокалипсис и фэнтези, перемещение во времени, мифические существа и, даже, мемуары убийцы. А еще попробовала читать манхву (корейский вариант японской манги) – понравилось. Я в детстве комиксов не читала. Очень хорошо для отдыха между чем-то большим или серьёзным.

Россия. Спорит с Кореей по числу прочитанных страниц. Островский, Алексей Толстой, Всеволод Соловьев, Юрий Тынянов. Есть несколько открытий в детской литературе: Юлия Иванова, Елена Рыкова, Лилия Волкова, Анна Зенькова. Еще в этом году для меня открылся такой жанр, как «деревенская хтонь» – домовые, русалки, лешие и прочая нечисть. Дарья Бобылёва с «Вьюнками» понравилась, буду читать её дальше.

Вот такой у меня вышел год. Всего прочитано 25 206 страниц, из них 8891 – Южная Корея, 8855 – Россия.

Елена СОЛОДЯГИНА

В этом году я в своё чтение решила добавить немного статистики. Решила посчитать, книг какой страны я читаю больше. Хотя результат был предсказуем, моё увлечение корейской литературой не прошло пока, но разбавилось японской, а в конце года еще и китайской. Считала я страницы, потому что объём книг очень уж различается.

Итак, начнем.

Франция, в списке моего чтения представлена Бальзаком, Лафонтеном и Мюссо.

Испания – книгой Антония Итурбе «Хранительница книг и Аушвица». Эта тема периодически возникает в моем списке чтения, когда приходит момент напомнить о том, на что способны люди. И не дай Бог повторения того, что было тогда. Книга понравилась – купила вторую книгу этого автора «В открытое небо» про Экзюпери.

Финляндия представлена двумя детскими книгами. Первую часть одной из них

События

Севера лунный свет

По инициативе Библиотеки – Архангельского литературного музея в Архангельске состоялся областной музыкально-поэтический фестиваль романтики «Севера лунный свет», который проходил с 1 сентября по 31 октября 2024 года.

Тема фестиваля – романтика и романтизм. На фестиваль принимались музыкальные и поэтические произведения о любви, природе, смысле человеческой жизни, проникнутые оптимизмом, альтруизмом, положительными эмоциями, отличающиеся возвышенным отношением к человеку. Поэты и авторы-исполнители представили на конкурс свои произведения в двух номинациях: «Поэзия» и «Авторская песня».

Участниками конкурса стали поэты и авторы-исполнители из Архангельска, Новодвинска, Северодвинска и Приморского района Архангельской области во возрасте от 16 лет и старше. В работе жюри приняли участие: кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы Высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации САФУ им. М.В. Ломоносова Елена Ваенская, педагог-организатор высшей квалификационной категории МБОУ «Гимназия №6», руководитель театрального объединения «Книга на сцене», организатор городских конкурсов «Пожалуйста, почитай!», «Журавлиный клин», «Монолог и Я» Светлана Калямина (г. Архангельск), руководитель литературного объединения «Волшебная лампа» и клуба бардовской песни «Ласточка» (г. Сольвычегодск) Максим Баранов.

10 ноября в Библиотеке – Архангельском литературном музее состоялось подведение итогов областного музыкально-поэтического фестиваля романтики «Севера лунный свет». Были названы победители фестиваля, своим мнением о конкурсе поделилась педагог-организатор МБОУ «Гимназия № 6» Светлана Калямина, прозвучали произведения лауреатов в номинациях «Поэзия» и «Авторская песня». Зрители услышали поэтические произведения Оксаны Хрущевой, Михаила Зиновкина, Светланы Митиной, Елены Тышовой, Татьяны Ткачевой, Марии Рудной. Прозвучали авторские песни Сергея Попова, друга «Дышать небом» (Елена Тышова и Алексей Сапунов) и Марии Юсуповой, которая также исполнила красивую инструментальную музыку на скрипке. Замечательным подарком для участников встречи стали авторские песни в исполнении друга «Гармония» (Татьяна Рудная и Андрей Повилайтис). Кроме того, Андрей Повилайтис, который и является автором идеи проведения фестиваля романтики, порадовал

зрителей красивой фортепианной музыкой.

Областной музыкально-поэтический

фестиваль романтики «Севера лунный свет» сотрудники Библиотеки – Архангельского литературного музея планируют

сделать традиционным. В стремительном двадцать первом веке нам всем не хватает чистоты, света, тепла, романтики и искренности. Хотелось бы, чтобы в следующем фестивале приняла активное участие творческая молодежь (студенты и школьники Архангельска и Архангельской области).

Татьяна РУДНАЯ,
член Союза журналистов России

СПЕКТАКЛЬ НА СТЫКЕ МУЗЕЯ И ТЕАТРА

Как чрезвычайно богат и разнообразен Русский Север, как много открытий дарит он при каждой встрече, как много впечатлений и размышлений! Необыкновенно мощная творческая сила снисходит здесь с небес на людей и проявляется через них то литературными, музыкальными и художественными произведениями, то ремёслами, народными промыслами и рукоделием, то песнями и былинами, то зодчеством или каким-нибудь ещё искусством. К ярким проявлениям творчества на Севере можно отнести и театр. Речь пойдёт об одном весьма необычном театре в Вологде, в котором мне недавно довелось побывать.

Представьте, вы гуляете по старинной вологодской деревне девятнадцатого века, неспешно перемещаетесь по деревянным настилам от одной огромной избы к другой, любуетесь конями на крышах, искусной резьбой наличников, высоким деревянным шатровым храмом, стоящим чуть поодаль, мельницами и амбарами, великанами колодцами-журавлями. За деревней шумит осенний лес, неспешно течёт речка, топят печи, в поле пасётся лошадь, у часовни дерутся два барана. Время от времени в деревне встречаются крестьяне в рубахах да сарафанах, снующие из дома в дом по своим хозяйственным делам. И тут с высокого резного крыльца старинной избы вас зазывают в театр. Позвольте! Театр? В избе?!

Да-да! «Театр на повети» находится в буквальном смысле на повети старинной избы, памятника деревянного зодчества XIX века Архитектурно-этнографического Музея «Семёново». Здесь нет декораций и нет сцены как таковой, да и незачем они, вы итак уже погружены в бережно и достоверно воссозданное пространство северной деревни с самого начала прогулки, а сейчас сидите в старинной рубленой избе, пахнущей деревом и смолой, на деревянных ящиках с подушками, укутанные пледом. Драматический спектакль «Потерянный», действие которого через несколько минут начнёт разворачиваться у вас на глазах, — третий по счёту спектакль, поставленный в «Театре на повети» на стыке музейной и театральной деятельности. В основу пьесы, написанной научным сотрудником Музея «Семёново», заведующим научно-экспозиционного отдела Дмитрием Мухиным, легла документальная история крестьянской семьи Вологодской губернии XIX века. Оживить архивные документы и факты, познакомить зрителя с достоверным отрывком из истории Российской империи, найти вместе со зрителем параллели и актуальные проблемы тогда и сейчас, поразмышлять над вечными ценностями и такими понятиями, как семья, ответственность, совесть и долг — вот задача, которую поставили перед собой сотрудники музея. Деятельность сотрудников «Семёново» выходит далеко за рамки должностных обязанностей и это вызывает восхищение!

Спектакль увлекает с первых минут. Уютный полумрак повети, протяжные фольклорные песни, сплетни и страшилки деревенских соседок, и вот вы уже невольно начинаете проживать роли вместе с актёрами. По сценарию, в деревню, в которой живёт некая крестьянская семья, состоящая из матери, сына и невестки, приходит извещение о неожиданной находке в больнице другого города старшего крестьянского сына, пропавшего двад-

цать лет назад, с требованием оплатить счёт за лечение. Семья затягивает пояса и оплачивает счёт, однако сын не возвращается в родной дом, зато приходят новые и новые счета. Каждое новое извещение вызывает всё больше споров и сомнений в семье, действительно ли сын болен, или мошенники используют его имя.

Всего час длится действие спектакля, но

этот час внимание ни на секунду не прерывается. Великолепная игра актёров заслуживает высокого признания! В спектакле задействованы сотрудники и волонтеры «Семёново» и только одна профессиональная актриса. Деревенские соседки чудо как хороши, каждая из них выглядит хрестоматийно по-крестьянски, но какие же они разные по характеру. Невозможно было поверить, что соседки не актрисы! Единственную мужскую роль в постановке, роль младшего сына, играет сам сценарист и научный сотрудник музея, Дмитрий Мухин. Самую сложную эмоциональную роль матери исполняет актриса Вологодского ТЮЗа Лариса Кочнева. Ей превосходно удалось передать переживания за судьбу взрослого сына,

которого она не видела много лет, чувство вины, страдание, отчаяние и безумие.

Эмоциональное напряжение нарастает весь спектакль. К концу спектакля становится понятно, что документальная разгадка тайны так и не найдена, и старший сын домой не вернется, а на передний план выходят тайны души и очень сложные чувства, которые могли испытывать реальные фигуранты архивных документов. Финальная сцена спектакля незабываема! Мечущаяся по сцене безутешная мать, на которую свалились очень большие переживания о потере сына, сжимает голову до боли, впадает в безумие, распахивает ворота повети на улицу и... уходит в никуда, рыдая, вслед за старшим сыном... Эффектно! Внезапное переключение на иное пространство, солнечный свет, который в этот момент врывается в дом, свежий воздух с улицы помогают разрешить напряжение и отпустить на волю эмоции. Слезы... Спустя минуту, которая длилась у всех по-разному, актёры выходят на поклон.

Браво! Прекрасная, живая и настоящая работа актёров, которые горят вдохновением, смогли так искренне прожить судьбы чужих людей и поделиться этим со зрителями. Час познания глубины жизни и себя в этой жизни. Час человечности. И это, безусловно, заслуга режиссёра — заслуженного артиста России, режиссёра МХТ им. А.П. Чехова, Павла Ващилина, которому удалось раскрыть сценические таланты непрофессиональных актёров, придать пьесе драматическую форму, правильно расставить акценты и поставить качественный спектакль в предельно сжатые сроки — всего за три недели! Надо отметить, что спектакль родился на стыке дисциплин, одна из которых вполне может противоречить другой. Но данный опыт сотрудничества музея и театра, несомненно, дал исключительные положительные и любопытные результаты, и имеет полное право на существование и развитие.

Яна СТОЛЯРОВА

Год уходящий

Ольга ХАНОВА

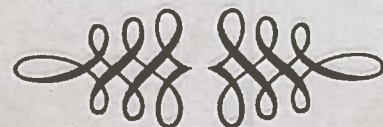

Я сейчас читаю книгу автора Микаэля Юрас «Короткие слова — великие лекарства». Мне очень нравится эта книга про французского библиотерапевта, лечащего книгами людей, испытывающих в жизни трудности. Люди рассказывают ему о своих проблемах, а он их лечит, говорит, какую книгу нужно прочитать. Помогает словом, возвращает к жизни тех, кому больно и одиноко.

Я считаю, что библиотерапевт — это очень нужная профессия, помогающая людям решить их проблемы, научить их радоваться жизни с помощью книг, раскрывая душу и сердце человека. Чтоб человек заглянул вглубь себя и был бы счастлив, жил полной жизнью, чувствовал себя хорошо морально и физически, радовался жизни и достигал новых высот, наслаждался миром, природой, общением. Чтобы он обрел веру в себя и свои силы, в своё Я, в свой потенциал, смог бы выйти из болезней и начать жизнь сначала, с чистого листа, забыл про проблемы и боли. Чтобы солнце светило в сердце и душе человека, жила бы в ней любовь и свет.

Библиотерапия помогает людям возродиться из пепла, начать жить полной жизнью.

Главный редактор — Н. Васильев (Вельск); компьютерная верстка — И. Ржавитина.

При перепечатке материалов ссылка на «Графоман» обязательна. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей.

Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Наш адрес: 165121, Вельский район, п. Хозьмино (с пометкой «в редакцию газеты «Графоман»). Т. 8-818-36-3-72-70. Email: nickolaivasiljev@yandex.ru.

Отпечатано в ООО «Вельти». З. 7037. Т. 140.